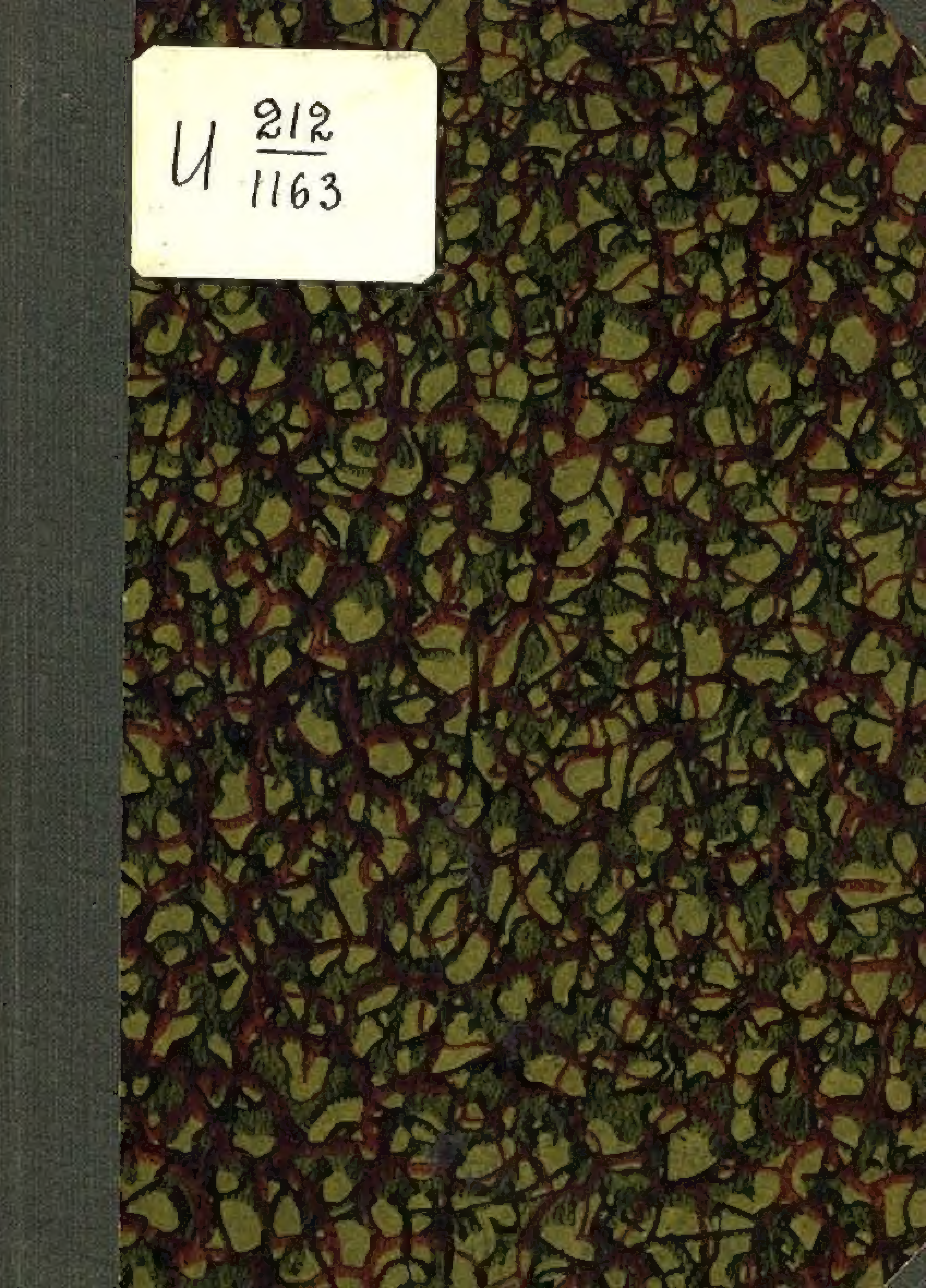

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ:

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ

МОСКОВСКИМЪ ЦАРЕМЪ

ИВАНОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

Цѣна 10 к. с.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Типогр. и Литогр. А. Торлецкаго и М. Терехова, Моховая, д. Торлецкой.
1876.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА

РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

*1. Букварь гражданскій и церковный, съ приложеніемъ молитвъ, статей для чтенія, краткихъ свѣдѣній о Россіи и прописей, ц. 20 к.

2. Подвижныя буквы ц. 10 к.

*3. Азбука и чтеніе для перваго возраста. Е. Вельтманъ. 2 ч. ц. 60 к.

4. Дѣтскій возрастъ, для начальнаго чтенія, съ методическими пріемами для постепеннаго развитія дѣтей. Съ 50-ю картинами. 2 ч. ц. 80 к.

5. Курсъ Новой Исторіи. Ч. I я. Сост. професор. Соловьевымъ ц. 80 к.

6. О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію. Свящ. Иванцова-Платонова, ч. 1-я ц. 1 р. 15 к., ч. 2-я ц. 90 к. За двѣ части 1 р. 90 к.

*7. Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Сост. проф. Соловьевымъ ц. 40 к.

8. Царь и Великій князь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. И. Бѣляева. ц. 20 к.

9. Краткое описаніе жизни Святѣйшаго Никона, патріарха Всероссійскаго. ц. 25 к.

10. Бояринъ Матвѣевъ. ц. 25 к.

*11. Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый г. О. Гончаровой ц. 15 к.

12. Смутное время. Д. Васильева ц. 20 к.

13. Жизнеописаніе Царя Соломона. А. Невскаго. ц. 20 к.

14. Сказаніе о жизни святит. и чудот. Митрофана Воронежскаго, ц. 10 к.

15. Воскресеніе Христово и двѣнадцать праздниковъ православной Церкви. Изд. 2-е ц. 10 к.

16. Жизнеописаніе Царя Давида. Съ рисунками и картою Палестины. ц. 25 к.

17. Святый и славный пророкъ, предтеча и креститель Господень Іоаннъ. ц. 15 к.

18. Жизнь и дѣянія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. ц. 20 к.

19. Разсказъ изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ: Алексѣй Божій Человѣкъ, Филаретъ Милостивый, Марія Египетская. Б. Алмазова ц. 25 к.

20. Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма графа Толстаго ц. 10. к.

---

*) Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою, указываетъ сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

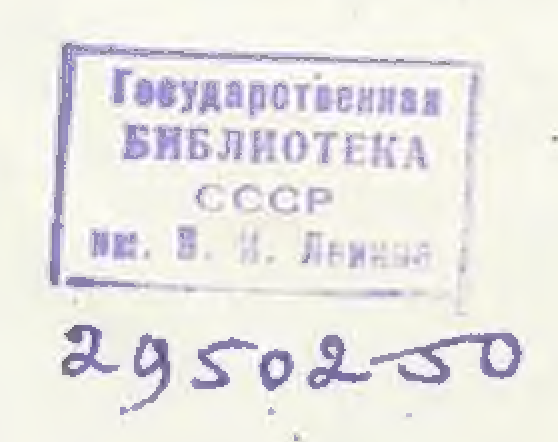
ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ

МОСКОВСКИМЪ ЦАРЕМЪ

ИВАНОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

МОСКВА.
Типографія А. Торлецкаго и М. Терихова,
Кузнецк. м., домъ Торлецкаго.
1875.

Дозволено цензурою. Москва, 12 Декабря 1874 г.

Было время, когда Казань, теперь одинъ изъ богатѣйшихъ и промышленнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи *), жила своей собственной самостоятельной жизнью, была главою совершенно независимаго царства, и въ продолженіи слишкомъ 100 лѣтъ высылала своихъ буйныхъ обитателей на грабежи и опустошеніе нашихъ селъ и городовъ. И сколько горя, сколько слезъ видѣла отъ нея въ эти 100 лѣтъ земля Русская, и сколько русской крови пролито за право независимаго существованія, которое хотѣлось отстоять за собою этому татарскому гнѣзду, до тѣхъ поръ, пока оно не было принуждено наконецъ пасть подъ рукой грознаго побѣдителя! Объ этихъ послѣднихъ, такъ сказать, предсмертныхъ минутахъ самостоятельнаго существованія Казани мы и хотимъ разсказать; но для полноты и ясности разсказа считаемъ необходимымъ представить въ бѣгломъ очеркѣ предшествующую исторію Казанскаго царства и нашихъ отношеній къ нему съ древнѣйшихъ временъ

---

*) Число жителей въ Казани, по свѣдѣніямъ за 1866 г., 63,084 д., 41 церковь, 5 монастырей, 126 фабрикъ и заводовъ, съ производствомъ на 3,895,000 р. с.

I.

Бѣглый очеркъ Казанской исторіи и нашихъ отношеній къ Казани до смерти в. к. Василія Ивановича.

(1361—1533 г.).

Казань, какъ самое названіе показываетъ *), чисто татарскій городъ. Своимъ происхожденіемъ Казань обязана Татарамъ въ то время, когда они, собранные воедино могучей волей Чингисъ-Хана, опрокинулись всей своей массой на наше отечество, и, обложивъ его тяжелою данью, стали осѣдаться по нижнимъ и среднимъ частямъ Волги, строя тамъ свои хищническія гнѣзда. Древнѣйшимъ изъ этихъ гнѣздъ былъ *Сарай* (недалеко отъ теперешняго Царева), сдѣлавшійся впослѣдствіи столицею такъ называемой Золотой Орды, главнаго притона Татаръ, по завоеваніи ими Россіи; немного позднѣе возникли: *Астрахань*, при устьѣ Волги, и потомъ *Казань*, въ 60 верст. отъ впаденія въ Волгу р.

---

*) Казань по татарски значитъ *котелъ*. Думаютъ, что она получила свое названіе отъ р. Казанки, а эта послѣдняя отъ того, что въ ней много *омутовъ, котловинъ*.

Камы. Слѣдовательно Казань, какъ видите, не очень древняго происхожденія, но тѣмъ не менѣе ни годъ ея основанія, ни имя основателя достовѣрно не извѣстны. Одинъ лѣтописецъ XVI в., бывшій въ плѣну у Казанскаго царя Сафа-Гирея и со словъ самихъ Татаръ записавшій исторію ихъ царства, говоритъ, что начало Казани положено Саиномъ, сыномъ татарскаго хана Батыя *). Но исторія никакого Саина не знаетъ въ числѣ дѣтей Батыя: единственный, извѣстный по лѣтописямъ, сынъ Батыя былъ Сартакъ. Это впрочемъ нисколько не подрываетъ довѣрія къ сказанію казанскаго лѣтописца: названный имъ Саинъ могъ быть или самъ Батый, котораго одинъ арабскій историкъ называетъ между прочимъ *Сагиномъ*, или, дѣйствительно сынъ его Сартакъ, только подъ другимъ именемъ. Какъ-бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что начало Казани не восходитъ дальше временъ Батыя; слѣдовательно, основаніе ея можно отнести приблизительно къ 1250 г.

Впрочемъ, прошло около 100 лѣтъ послѣ Батыя, прежде чѣмъ Казань заявила о своемъ существованіи,

---

*) По этому поводу онъ сообщаетъ очень любопытное преданіе о началѣ Казани. Это преданіе говоритъ, что сынъ Батыевъ, Саинъ, шелъ воевать Россію, но, обезоруженный смиреніемъ и дарами ея князей, остановился; тутъ онъ вздумалъ завести селеніе, гдѣ-бы чиновники татарскіе, посылаемые для собиранія дани въ наше отечество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно*, но въ немъ обитали страшные змѣи; сыскался волхвъ, который обратилъ ихъ въ пепелъ. Новое селеніе получило названіе Казани.

выступила на историческое поприще: до тѣхъ поръ жизнь ея шла, такъ сказать, втихомолку отъ исторіи. Въ первый разъ встрѣчаемъ мы лѣтописное извѣстіе о Казани подъ 1361 г., по поводу разоренія ея Новгородской вольницей. За тѣмъ хоть изрѣдка, но начинаютъ попадаться извѣстія о Казани, противъ которой, въ наказаніе за ея разбойническія нападенія, наши князья посылаютъ военные отряды: такъ въ 1376 г. Дмитрій Ивановичъ Донской и въ 1395 г. сынъ его, Василій Дмитріевичъ, посылаютъ войско подъ Казань. Слѣдствіемъ втораго похода было совершенное разрушеніе и опустошеніе безпокойнаго города.

Здѣсь кончается, такъ сказать, первый періодъ Казанской исторіи.

Около 40 л. послѣ этого лежала Казань въ развалинахъ, въ которыхъ укрывалось только нѣсколько бѣдныхъ татарскихъ семействъ. Въ это время въ Золотой Ордѣ произошли событія, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Казани. Въ 1437 г. ханъ Золотой Орды, Улу-Махметъ, сверженный съ престола братомъ своимъ, засѣлъ въ опустѣлой Казани, съ радостью встрѣченный окрестнымъ населеніемъ, поставилъ себѣ городъ на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ стараго *), откуда и сталъ отъ времени до времени

---

*) Слѣдовательно Казань стоитъ на теперешнемъ своемъ мѣстѣ съ XV в. Впрочемъ намъ извѣстно и мѣсто стараго города: до сихъ поръ близъ деревни Князь-Камаевой (въ 45 в. отъ Казани) существуетъ городище, удержавшее названіе *Старой Казани*.

являться въ нашихъ предѣлахъ; въ 1439 г. онъ совершенно неожиданно явился подъ Москвой, которую держалъ 10 дней въ осадѣ, но взять не могъ и воротился восвояси, не забывъ впрочемъ по дорогѣ сжечь Коломну, и вообще надѣлавъ много зла и горя; нападеніе 1445 г. было еще памятнѣе: на этотъ разъ, встрѣченный подъ Суздалемъ русскимъ войскомъ, Улу-Махметъ на голову разбилъ его и самого в. к. Василія Васильевича взялъ въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, отпустилъ черезъ нѣсколько времени за извѣстный окупъ (по Псковской лѣтописи за 29,500 р.). Итакъ, благодаря Улу-Махмету, Казань вышла изъ забвенія, встала изъ своихъ развалинъ и начала быстро подниматься въ значеніи, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ ее уже главою самостоятельной Татарской Орды, безъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ Золотой Ордѣ, которая въ это время неудержимо стремилась къ своему паденію. Съ этимъ вмѣстѣ она пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе для насъ; отсюда, собственно говоря, начинается ея кровавая роль въ судьбахъ нашего отечества.

Великому князю Василію Васильевичу наслѣдовалъ на Московскомъ престолѣ знаменитый сынъ его, Иванъ Васильевичъ III, главною задачей царствованія котораго было возвышеніе значенія великаго князя на счетъ удѣльныхъ князей и сосѣднихъ враждебныхъ государствъ. Понятно, что, преслѣдуя эту цѣль, онъ долженъ былъ находиться въ постоянныхъ столкновеніяхъ, въ постоянной борьбѣ съ самымъ заклятымъ изъ своихъ враговъ—Татарами, дѣлившимися въ это время на

три, независимыя одна отъ другой, Орды: Золотую, Казанскую и Крымскую (послѣдняя основана незадолго передъ тѣмъ Азы-Гиреемъ изъ улусовъ черноморскихъ). Слѣдствіемъ этой, чрезвычайно искусно веденной борьбы, было, если не совершенное сверженіе, то, по крайней мѣрѣ, чувствительное ослабленіе татарскаго ига: ханъ Крымской Орды, Менгли-Гирей, самъ счелъ полезнымъ для себя сблизиться съ великимъ княземъ Московскимъ, чтобъ имѣть въ немъ надежнаго помощника противъ Турокъ, которые овладѣли въ это время Крымомъ и сдѣлали крымскаго хана своимъ данникомъ. Сближеніе это вскорѣ оказалось для насъ неоцѣнимымъ въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, положенъ былъ конецъ столь страшной для насъ Золотой Ордѣ: въ 1502 г. Менгли-Гирей неожиданно напалъ на послѣдняго хана Золотой Орды, Шигъ-Ахмета, и заставилъ его убѣжать въ Польшу, гдѣ его уморили въ темницѣ. Незадолго передъ тѣмъ потеряла свою независимость и Орда Казанская. Борьба съ Казанью началась съ самаго начала княженія Ивана Васильевича, который нѣсколько разъ (въ 1467, 68, 69 и 1488 г.) высылалъ противъ нея сильное войско, но все безъ значительнаго успѣха. Въ такомъ положеніи были наши дѣла съ Казанью до самой смерти хана Ибрагима, послѣдовавшей въ 1487 г. Смертью Ибрагима кончается собственно періодъ независимаго, самостоятельнаго существованія Казани: открывшіеся послѣ смерти его мятежи и усобицы между двумя сыновьями Ибрагима, Алегамомъ и Магметъ-Аминемъ, дали случай Московскому князю упрочить здѣсь свое вліяніе, впервые привести въ за-

висимость Татарское царство. Дѣло было такъ. Партіи Алегама въ борьбѣ его съ братомъ пришлось одержать верхъ, вслѣдствіе чего, съ помощію Ногайцевъ, и возвели его на престолъ; но Магметъ-Аминъ пріѣхалъ въ Москву, назвалъ Іоанна отцомъ себѣ и просилъ у него войска на старшаго брата, который между тѣмъ ни чѣмъ не старался предотвратить гнѣвъ великаго князя, напротивъ, все больше возбуждалъ его, постоянно нападая на наши пограничныя владѣнія и измѣняя мирнымъ условіямъ, которыя заключалъ съ нашими воеводами. Отправленное въ 1487 г. Русское войско осадило Алегама въ Казани, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ сдаться. На его мѣсто посаженъ былъ Магметъ-Аминъ, какъ подручникъ в. к. Московскаго. Впрочемъ эти подручническія отношенія казанскаго хана были вѣроломно имъ нарушены предъ самой смертью Іоанна. Казань въ то время была единственной ярмаркой, куда каждый годъ, 24 іюня, въ день Рождества Іоанна Предтечи, съѣзжались русскіе купцы съ азіятскими мѣняться своими товарами; ярмарка и на этотъ разъ открылась также спокойно, какъ въ прежніе годы, но вдругъ, въ самый разгаръ ея, между Татарами вспыхнуло возстаніе: схваченъ былъ посолъ великокняжескій, многіе изъ русскихъ купцовъ перебиты, всѣ безъ исключенія ограблены. Злодѣйскій поступокъ этотъ не могъ, не долженъ былъ остаться безъ наказанія; но Іоаннъ въ это время лежалъ уже на смертномъ одрѣ; расплата съ казанскимъ ханомъ перешла къ сыну и преемнику его, Василію Ивановичу. Первый походъ Московскаго войска, посланнаго подъ Казань новымъ

княземъ Московскимъ, былъ впрочемъ неудаченъ; но когда въ Москвѣ стали готовиться ко второму походу, Магметъ-Аминь прислалъ просить мира на прежнихъ условіяхъ, получилъ его и сохранялъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1518 г.

Смерть Магметъ-Аминя дала возможность Московскому князю сдѣлать новый шагъ къ упроченію своего вліянія на дѣла враждебной Казани. Умершій ханъ не оставилъ послѣ себя дѣтей, чѣмъ хотѣлъ воспользоваться сынъ и преемникъ Менли-Гирея, Магметъ-Гирей, сильно хлопотавшій о соединеніи всѣхъ татарскихъ владѣній въ рукахъ одного рода Гиреевъ крымскихъ. Но Василій Ивановичъ понималъ всю опасность, если допустить такое соединеніе, и потому посадилъ на Казанскій престолъ родоваго непріятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея, ближайшаго родственника послѣдняго хана Золотой Орды, погибшаго, какъ мы видѣли, по милости Менгли-Гирея, отца теперешняго хана, домогавшагося Казанскаго царства. Такая политика не дешево впрочемъ обошлась Василію: недовольные Шигъ-Алеемъ, дѣйствовавшимъ въ интересахъ Московскаго князя; съ другой стороны, вслѣдствіе внушеній, шедшихъ изъ Крыма, казанскіе вельможи составили противъ новаго хана заговоръ и, когда въ 1521 г. братъ Магметъ-Гирея, Саипъ-Гирей, подступилъ съ крымскимъ войскомъ къ Казани, оба брата Гиреи съ двухъ сторонъ ворвались въ русскія владѣнія и, соединившись за Окой, дошли до самой Москвы. Спасеніе столицы казалось невозможнымъ, однако-же непріятель снялъ осаду и

удалился *). Московскій князь не могъ отмстить крымскому хану, котораго отдѣляла отъ насъ широкая степь, могъ только предпринять мѣры осторожности противъ будущихъ нападеній; за то имѣлъ полную возможность расплатиться съ ближайшимъ сосѣдомъ своимъ, казанскимъ ханомъ. И дѣйствительно, лѣтомъ 1523 г., отправлена была подъ Казань сильная рать, которая опустошила казанскую область и захватила много Черемисскихъ плѣнниковъ. Походъ этотъ замѣчателенъ впрочемъ въ другомъ отношеніи: здѣсь, на устьѣ Суры, въ самой землѣ Казанской, срубленъ былъ, по приказанію великаго князя, городъ Васильсурскъ, и такимъ образомъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ покоренію Казанскаго царства. За тѣмъ, до самаго 1530 года, мы видимъ постоянные почти походы подъ Казань, слѣдствіемъ которыхъ было наконецъ то, что ненавистные Гиреи самими казанцами были изгнаны изъ города, а ханомъ на праздный престолъ посланъ былъ в. к. Московскимъ младшій братъ Шигъ-Алея, Еналей, съ обязательствомъ, конечно, состоять въ подручническихъ отношеніяхъ къ Московскому государству **).

---

*) Въ память избавленія отъ этого ужаснѣйшаго нашествія, въ Москвѣ до сихъ поръ ежегодно, 26 августа, совершается крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

**) Въ это же время великій князь запретилъ рускимъ купцамъ ѣздить на казанскую ярмарку и положилъ начало знаменитой макарьевской ярмаркѣ подъ монастыремъ Макарія Желтоводскаго, въ 30 верст. отъ Нижняго; впрочемъ невыгоды мѣст-

Вотъ въ какомъ положеніи были наши отношенія къ Казани въ то время, когда великій князь Василій Ивановичъ умеръ, оставивъ наслѣдникомъ малолѣтняго сына своего Іоанна, на долю котораго выпала блестящая слава быть покорителемъ Казанскаго царства.

II.

Отношенія къ Казани въ правленіе Елены и Бояръ.—Первые два похода Іоанна подъ Казань.—Добровольное подчиненіе Казанцевъ Москвѣ.—Послѣдняя ихъ измѣна.

(1533—1552 г.).

Іоанну было только три года, когда умеръ его отецъ. Опека надъ малолѣтнимъ, по древнему русскому обычаю, принадлежала матери его, Еленѣ (изъ фамиліи Глинскихъ). Но правленіе Елены было непродолжительно: 3 апрѣля 1538 г., вдова Василіева скоропостижно скончалась; бояре, пользуясь малолѣтствомъ законнаго наслѣдника, захватили кормило правленія въ свои руки. Началась ужаснѣйшая внутренняя борьба: каждому боярину хотѣлось быть первымъ, хотѣлось одному пра-

---

ности, затоплявшейся водою и окруженной сыпучими песками, которые затрудняли подвозъ товаровъ, заставили послѣ страшнаго пожара, истребившаго въ 1816 г. всѣ ярмарочныя строенія у Макарья, перевести ярмарку въ Нижній-Новгородъ, гдѣ она происходитъ и теперь, съ 15 іюля до 25 августа.

вить государствомъ, дворъ разбился на партіи. Много погибло въ этой борьбѣ знаменитыхъ бояръ русскихъ, но худшимъ послѣдствіемъ этой борьбы было то, что изъ-за личной вражды правители оставляли безъ всякаго вниманія, безъ всякаго призора юнаго князя и дѣлали его свидѣтелемъ возмутительнѣйшихъ сценъ. Въ этой школѣ воспитался жёстокій характеръ Іоанна, ознаменовавшаго впослѣдствіи свое царствованіе такими поступками, за которые, по справедливости, получилъ названіе «Грознаго».

Нечего говорить, что во все это время малолѣтства Іоанна, Московское правительство не предпринимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Казани; до того ли ему было, занятому домашними ссорами? Мало того, въ правленіе бояръ потеряно было даже и послѣднее вліяніе на дѣла Казани, вліяніе, пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ и поддерживавшееся прежними великими князьями. Мы видѣли, что, по изгнаніи Гиреевъ, на Казанскій престолъ посаженъ былъ подручникъ великаго князя Московскаго, Еналей. Съ перемѣною правительства, Еналей не перемѣнилъ своихъ подручническихъ отношеній къ Москвѣ, по прежнему остался вѣренъ ей. Но мы видѣли съ другой стороны, что и крымское вліяніе имѣло доступъ къ Казани, вслѣдствіе чего тамъ образовались партіи, русская и крымская, которыя только и ждали случая, какъ бы подставить другъ другу ногу. Вслѣдъ за смертью в. к. Василія, Москва должна была вести тяжкую войну съ Литвою, которой хотѣлось, пользуясь малолѣтствомъ наслѣдника престола и слабостію женскаго правительства, воз-

вратить земли, потерянныя при отцѣ и дѣдѣ малолѣтняго князя; крымская партія въ Казани увидѣла въ этомъ удобный случай раздѣлаться съ Московскимъ подручникомъ Еналеемъ и, подъ руководствомъ царевны Горшадины и князя Булата, осенью 1435 г., свергнула Еналея съ престола, умертвила его и провозгласила царемъ Сафа-Гирея крымскаго. Но московская партія не хотѣла уступить и отправила въ Москву къ великой княгинѣ просить о назначеніи въ Казань ханомъ опять Шигъ-Алея, обѣщаясь составить въ пользу его заговоръ. Шигъ-Алей жилъ въ это время въ заточеніи на Бѣлоозерѣ, куда былъ сосланъ великимъ княземъ Василіемъ за то, что затѣялъ тайныя сношенія съ Казанью, будучи недоволенъ назначеніемъ въ нее ханомъ брата своего Еналея. Получивъ изъ Казани извѣстіе о приглашеніи Шигъ-Алея, великая княгиня рѣшила съ боярами вызвать его изъ заточенія. Новый казанскій ханъ между тѣмъ не дремалъ, и, не дожидаясь противника, котораго готовилась выставить ему враждебная партія, поспѣшилъ заявить о своемъ вступленіи на престолъ вторженіемъ въ сосѣднія русскія области. Это заставило Московское правительство спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на восточную границу. Но въ то время какъ русское войско начало уже наступательное движеніе на Мещеру, въ Москвѣ получена была отъ Саипъ-Гирея крымскаго грамота, наполненная угрозами, которыя были столь внушительны, что заставили Московское правительство согласиться на требованіе крымскаго хана—признать ханомъ казанскаго Сафа-Гирея,

съ условіемъ впрочемъ, если тотъ «пришлетъ къ государю Московскому и захочетъ мира». Итакъ то, чему особенно старались препятствовать прежніе князья Русскіе, именно соединеніе Казани съ Крымомъ, стало теперь осуществившимся фактомъ. Понятно, какою опасностію стало грозить Русскому государству это соединеніе, и вотъ, для того, чтобъ отразить бѣду, къ крымскому хану посланы были хорошіе «поминки» (дары), чтобы задобрить его къ принятію прежнихъ условій относительно Казани, т. е. что великій князь не будетъ трогать Казани, но чтобъ, въ свою очередь, и Сафа-Гирей оставался московскимъ подручникомъ. Поминки не произвели ожидаемаго дѣйствія, и Московское правительство немедленно почувствовало слѣдствіе соединенія двухъ своихъ непріятелей: въ то время какъ Казанцы, расчитывая на помощь Крыма, начали опустошать пограничныя области Московскія, Муромскую и Костромскую, Саипъ-Гирей, съ своей стороны, поднялъ на Русь всю орду, оставивъ въ Крыму стараго да малаго. И хотя на этотъ разъ гроза миновала (крымскій ханъ долженъ былъ, дойдя до Оки, отступить назадъ), тѣмъ не менѣе разбойническія нападенія Крымцевъ на наши владѣнія не прекращались до самаго 1544 г., т. е. до того времени, когда наслѣдникъ Московскаго престола выросъ, возмужалъ и доказалъ, что, не смотря на молодость, въ состояніи уже принимать дѣятельное участіе въ правленіи.

Іоаннъ, благодаря, можетъ быть, несчастнымъ обстоятельствамъ дѣтства, развился чрезвычайно рано, такъ что всѣхъ удивлялъ не по лѣтамъ силою своею ума и

характера. Тринадцати лѣтъ онъ уже заставилъ крамольныхъ бояръ «имѣть предъ собой страхъ и послушаніе», послѣ того какъ, неизвѣстно по какой причинѣ, велѣлъ схватить (29 декабря 1543 г.) перваго совѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ, которые убили его, волоча къ тюрьмѣ. На 17 году жизни (13 декабря 1546 г.), молодой князь призываетъ къ себѣ митрополита и объявляетъ, что хочетъ жениться: митрополитъ даже заплакалъ отъ радости, видя, что «государь такъ молодъ, а ни съ кѣмъ не совѣтуется». Но что всего болѣе удивило и поразило бояръ и доказало въ молодомъ Іоаннѣ полную самостоятельность, это принятіе имъ съ этого времени, внутри и внѣ государства, титула, составлявшаго до тѣхъ поръ привиллегію татарскихъ хановъ, титула «Царя.»

Вліяніе такой ранней возмужалости Московскаго государя не могло не отозваться и на внѣшней политикѣ, и, прежде всего, на отношеніяхъ къ Крыму и Казани. Дѣйствительно, когда въ 1544 г. крымскій ханъ, по опустошеніи бѣлевскихъ и одоевскихъ мѣстъ, прислалъ ему грамоту съ требованіемъ поминокъ, подъ условіемъ чего только и обѣщалъ помириться, 14-лѣтній Іоаннъ не испугался угрозъ ханскихъ и въ отвѣтъ на эту грамоту положилъ: своего посла въ Крымъ не посылать, а на крымскихъ пословъ положить опалу. Еще рѣшительнѣе были его дѣйствія противъ Казани: въ апрѣлѣ 1545 г., молодой князь, неизвѣстно по какому поводу, объявилъ вдругъ походъ подъ Казань. Походъ этотъ, не имѣя положительнаго успѣха, былъ однако полезенъ для насъ въ томъ отношеніи, что усилилъ въ

Казани вражду партій; казанскій ханъ, подозрѣвая своихъ князей въ приглашеніи русскаго войска, сталъ убивать ихъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ князей въ самомъ дѣлѣ обратились къ Московскому князю съ просьбой послать рать свою подъ Казань, обѣщая схватить и выдать ненавистнаго хана. Обѣщаніе это не осталось только на словахъ: 17 января 1546 г. Сафа-Гирей дѣйствительно былъ выгнанъ изъ Казани и много Крымцевъ его побито. На мѣсто сверженнаго хана посланъ былъ изъ Москвы, по просьбѣ Казанцевъ, царь Шигъ-Алей (вызванный изъ заключенія Еленой); но не успѣлъ Шигъ-Алей пріѣхать въ свой стольный городъ, какъ тотчасъ же почти долженъ былъ бѣжать изъ него, такъ какъ крымской партіи удалось опять восторжествовать и посадить Сафа-Гирея.

Между тѣмъ недовольные, въ томъ числѣ горная Черемиса, продолжали просить у Московскаго князя рати на Казань. На этотъ разъ юный Іоаннъ рѣшился самъ выступить въ походъ въ концѣ 1547 г., но дошелъ только до острова Работки (въ 80 верст. за Нижнимъ), и, простоявъ на немъ три дня, долженъ былъ возвратиться въ Москву, такъ какъ наступила оттепель, испортившая дороги. До Казани дошелъ только Д. О. Бѣльскій, который, встрѣтившись съ Сафа-Гиреемъ на Арскомъ полѣ, прогналъ его въ городъ. Богаче послѣдствіями былъ второй походъ Іоанна подъ Казань, предпринятый опять имъ лично въ 1549 г. Въ это время Сафа-Гирея не было уже на свѣтѣ; преемникомъ его остался двухлѣтній сынъ его, Утемишъ. Нечего говорить, въ какомъ невыгодномъ положеніи

относительно Москвы, управляемой уже твердою волею Іоанна, почувствовала себя теперь Казань съ своимъ ханомъ-младенцемъ. Попытка снестись съ Крымомъ, поискать тамъ помощи, кончилась неудачно, такъ какъ наши казаки перебили на дорогѣ пословъ казанскихъ и ярлыки, бывшіе при нихъ, переслали въ Москву. Іоаннъ, между тѣмъ, съ горячимъ усердіемъ занимался все это время дѣлами правленія, что не могло быть неизвѣстно въ Казани, которая не могла, конечно, строить на этомъ лестныхъ для себя надеждъ. И вотъ, съ цѣлью предупредить грозящую опасность, Казанцы, въ іюлѣ 1549 г., отправляютъ въ Москву грамоту, въ которой, отъ лица Утемишъ-Гирея, предлагаютъ Іоанну миръ. Московскій царь, не отклоняя мирныхъ предложеній, требовалъ только, чтобы присланы были добрые люди для переговоровъ. Неизвѣстно, почему требованіе это не было исполнено, «добрые люди» не явились, и Московскій царь вторично повелъ войско подъ Казань; но и этотъ походъ, такъ-же, какъ первый, не имѣлъ успѣха по причинѣ дурной погоды: простоявши 11 дней подъ Казанью, Іоаннъ долженъ былъ возвратиться назадъ; тѣмъ не менѣе походъ этотъ имѣлъ чрезвычайно важныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что приготовили прочный успѣхъ въ будущемъ: здѣсь, по примѣру отца, основавшаго Васильсуркъ, Московскій царь заложилъ на устьѣ Свягии городъ Свіяжскъ *), который и былъ оконченъ въ четыре недѣли.

*) Свіяжскъ, въ настоящее время уѣздный городъ Казанской губерніи, въ 32 верст. отъ Казани, съ 1,800 жит., стоитъ на возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ.

Построеніе Свяжска было, такъ сказать, вторымъ шагомъ къ полному покоренію Казанскаго царства, какъ построеніе Васильсурска было первымъ. Мы видѣли, что Казань давно уже стала жертвою внутреннихъ безпорядковъ, ожесточенной вражды партій; естественно, что недовольныхъ такимъ положеніемъ дѣлъ нашлось много: и дѣйствительно, въ это время въ одной Москвѣ насчитывалось до 500 казанскихъ выходцевъ, которые не отъ добра, конечно, ушли изъ роднаго города; мы видѣли также, что цѣлый народецъ, подвластный Казани, горная Черемиса, присылалъ къ Іоанну съ просьбой о помощи. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ Московскаго государства, было чрезвычайно важно имѣть твердый пунктъ въ самой непріятельской землѣ, на который могли бы опереться всѣ недовольные казанскимъ владычествомъ. И эти слѣдствія построенія Свіяжска оказались немедленно: первою явилась къ новопостроенному городу горная Черемиса съ челобитьемъ, за что дана имъ была отъ государя грамота за золотой печатью, освобождающая ихъ отъ «ясака» (оброка) на три года; затѣмъ приняли присягу и остальные горные народцы: Чуваши, Мордва. Что эта покорность была добровольная и, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ чистосердечная, горные люди всего лучше доказали тѣмъ, что охотно отправились, по предложенію свіяжскихъ воеводъ, воевать «государева недруга», т. е. Казанцевъ; впрочемъ, благодаря пушкамъ, выдвинутымъ съ непріятельской стороны, они были обращены въ бѣгство, потерявши до 150 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ. Съ другой стороны, постро-

еніе Свіяжска, и вслѣдствіе этого отпаденіе съ горной стороны, не могло остаться безъ вліянія и на положеніе партій въ самой Казани: перевѣсъ явнымъ образомъ склонился теперь на сторону московской партіи, что очень хорошо поняли и сами Крымцы, которые вслѣдствіе этого рѣшились поскорѣе убраться изъ вѣроломнаго города, разграбивъ на прощаньи все, что попадало подъ руку, но встрѣченные на дорогѣ вятскимъ воеводою Зюзинымъ, разбиты были на голову, такъ что изъ 300 человѣкъ уцѣлѣло только 36, да и тѣ, взятые въ плѣнъ, отосланы въ Москву и тамъ казнены. Господствующей партіей въ Казани осталась такимъ образомъ русская, которая и поспѣшила опереться въ своихъ дѣйствіяхъ на Московское правительство: немедленно посланы были къ Іоанну послы съ челобитьемъ, чтобъ государь плѣнить ихъ не велѣлъ, далъ бы имъ на царство своего подручника Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея съ матерью Сююнбекой взялъ бы къ себѣ. Удовлетворить этому требованію было прямой выгодой Іоанна,—и вотъ въ августѣ 1550 г. казанскимъ ханомъ былъ уже опять Шигъ-Алей; но съ нимъ, кромѣ того, заключено условіе—освободить всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, бывшихъ въ Казани и, потомъ, не распространять своей власти на горную страну, которая должна отойдти къ Свіяжску.

Условія эти были причиною новыхъ безпорядковъ, новыхъ волненій въ Казани, потому что, кто же не понималъ, что въ этихъ условіяхъ, преимущественно во второмъ, выразилось намѣреніе Московскаго государя наложить руку на свободный городъ. Началось съ того,

что плѣнные отпущены были не всѣ, и Шигъ-Алей, хотя и зналъ это, но не обращалъ никакого вниманія. Оставленные при новомъ ханѣ бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ немедленно дали знать объ этомъ въ Москву. Попытка кроткими мѣрами расположить къ исполненію условія оказалась безуспѣшной: не смотря на подарки, отправленные изъ Москвы хану, ханшѣ и князьямъ, плѣнниковъ освобождали мало, напротивъ того, ковали ихъ и прятали по ямамъ, а Шигъ-Алей, съ своей стороны, не наказывалъ тѣхъ, у которыхъ ихъ находили. Гораздо важнѣе былъ другой вопросъ, вопросъ объ отдѣленіи горной стороны: вопросъ этотъ затрогивалъ интересы не частныхъ лицъ, но всего государства. Понятно, что Казанцы должны были негодовать на своего хана за то, что онъ согласился на отдѣленіе горной стороны, и вотъ Шигъ-Алей рѣшился поправить какъ нибудь дѣло, которое не могло быть не чувствительно и для его собственнаго достоинства. Съ этою цѣлью посланы были въ Москву большіе послы съ челобитьемъ отъ казанскаго хана, «чтобъ государь пожаловалъ, горную сторону царю уступилъ, если же не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя нѣсколько ясаковъ съ нея». Въ Москвѣ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчали на это положительнымъ отказомъ, требуя, съ своей стороны, освобожденія всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Затаенное неудовольствіе Казанцевъ нашло въ этомъ новую для себя пищу: скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что казанскіе князья ссылаются съ Ногаями, а Шигъ-Алея хотятъ убить. Ханъ впрочемъ предупредилъ исполненіе этого заговора, пригласивъ

заговорщиковъ къ себѣ на пиръ и приказавъ перебить ихъ во время пира.

Такимъ образомъ дѣла въ Казани приняли опять враждебный характеръ. Ненависть къ Алею послѣ кроваваго пира достигла высшей степени. Онъ это и самъ понималъ и потому писалъ къ Московскому государю: «Прожить мнѣ въ Казани нельзя; сильно я раздосадовалъ Казанцевъ: обѣщалъ я имъ у царя и великаго князя горную сторону выпросить; если меня царь пожалуетъ, горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно, и пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань ему, государю, крѣпка будетъ; если же у меня горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю». И дѣйствительно, между Казанцами началось волненіе, тѣмъ болѣе, что Шигъ-Алей нисколько не располагалъ къ себѣ личными качествами, по крайней мѣрѣ Казанцы жаловались, что онъ бьетъ ихъ и грабитъ, женъ и дѣтей беретъ у нихъ силою. Съ другой стороны въ Казани находился особенный кружокъ людей, которые преимущественно должны были опасаться за свою жизнь и честь,—это спасшіеся, убѣжавшіе съ кроваваго ханскаго пира. Совершенно естественно, что эти люди должны были искать средствъ, какъ бы раздѣлаться съ страшнымъ ханомъ, содѣйствуя въ то же время усиленію общаго нерасположенія къ нему. Въ такомъ положеніи были дѣла въ Казани, когда въ январѣ 1552 г. прибыли къ Іоанну большіе послы казанскіе и объявили, что имъ отъ Казанской земли приказъ—бить ему челомъ, чтобъ царя Шигъ-Алея свелъ и далъ бы имъ въ намѣстники боярина своего, т. е. другими словами,

предложили полную покорность. И это самое лучшее, конечно, и даже единственное, что въ положеніи Казанцевъ должно было сдѣлать, потому что, въ случаѣ самовольной расправы съ ханомъ, могла бы возгорѣться война съ Московскимъ государемъ, который бы не позволилъ безнаказанно оскорблять своего подручника, а этой войны Казанцы привыкли уже опасаться. Съ другой стороны, покорность Казанцевъ вывела самого Іоанна изъ затруднительнаго положенія, потому что до тѣхъ поръ онъ, по необходимости, находился въ роли безучастнаго зрителя волненій, происходившихъ въ Казани, не имѣя повода провести своего вліянія безъ явной опасности для Шигъ-Алея и русскихъ стрѣльцевъ, бывшихъ при немъ. Въ февралѣ отправился въ Казань любимецъ государевъ, Алексѣй Адашевъ, съ тѣмъ, чтобъ свести Шигъ-Алея. Послѣдній и не думалъ противиться, хорошо понимая, что оставаться долѣе во враждебномъ городѣ опасно и 6 марта выѣхалъ изъ Казани съ 84 князьями и мурзами, какъ будто ловить рыбу на озеро, между тѣмъ самъ прибылъ въ Свіяжскъ. Въ тотъ же день князь Микулинскій послалъ въ Казань двухъ казаковъ съ грамотами, что, по челобитью казанскихъ князей, государь царя Шигъ-Алея сводитъ и даетъ имъ въ намѣстники князя Семена, чтобъ они ѣхали въ Свіяжскъ присягать, послѣ чего и онъ къ нимъ пріѣдетъ. Въ отвѣтъ на эту грамоту явились лучшіе люди изъ Казани и приняли присягу. Тогда, отправивши нѣсколько человѣкъ въ Казань приводить остальныхъ казанскихъ людей къ присягѣ, наблюдая при этомъ, нѣтъ ли тамъ какого лиха, новый казанскій вое-

вода сталъ готовиться и самъ къ отъѣзду, тѣмъ болѣе, что отъ посланныхъ въ Казань получены были самыя хорошія вѣсти: «все тихо, присягаютъ съ удовольствіемъ; сельскіе люди, давши присягу, разъѣзжаются по домамъ». Наступилъ наконецъ и день выѣзда намѣстника, отправившагося въ сопровожденіи бояръ, сторожеваго полка и всѣхъ Казанцевъ, которыхъ вывелъ съ собою Шигъ-Алей. Далеко еще до Казани начали встрѣчать его разные князья и бить челомъ, чтобъ ѣхалъ скорѣе въ городъ, а они—холопы государевы, всѣ въ его волѣ. Между тѣмъ въ Казань и изъ Казани то и дѣло ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскіе и сказывали, что въ Казани всѣ люди государеву жалованью рады, приводъ къ присягѣ идетъ своимъ чередомъ. Дѣло такимъ образомъ шло какъ нельзя лучше, какъ вдругъ съ половины дороги нѣсколько князей и мурзъ изъ бывшихъ въ поѣздѣ намѣстника стали просить у него позволенія отправиться впередъ въ городъ. Князь Микулинскій, ничего не подозрѣвая, охотно согласился на ихъ желаніе, а самъ продолжалъ путь. И вотъ открылись передъ ними высокія башни казанскія, стали подъѣзжать уже къ городу, какъ вдругъ на Булакѣ встрѣчаютъ ихъ приводившіе къ присягѣ Казанцевъ, съ тревожнымъ извѣстіемъ, что въ городѣ все перемѣнилось: отпросившіеся съ дороги князья, прибывъ въ Казань, затворили городскіе ворота и возмутили всѣхъ жителей, распустивъ слухъ, что Русскіе идутъ съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно ихъ истребить, о чемъ будто самъ царь Шигъ-Алей имъ сообщилъ, и что вслѣдствіе этого въ городѣ страшное волненіе. И дѣйствительно, когда на-

мѣстникъ подъѣхалъ къ Царевымъ воротамъ, ворота растворены, а люди бѣгутъ на стѣны. Начались переговоры, которые ни къ чему впрочемъ не привели: «Зачѣмъ вы измѣнили?—спрашиваютъ Русскіе,—вчера и даже сегодня присягали, и вдругъ измѣнили?» Со стѣнъ отвѣчаютъ: «люди боятся побою!» Простоявши полтора дня подъ городомъ и видя, что добраго выйдти ничего не можетъ, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску.

Рѣшившись на такой возмутительный поступокъ, Казанцы естественно не могли уже оглядываться назадъ: война, и война отчаянная, была неизбѣжна теперь съ Московскимъ государствомъ. Итакъ, наступилъ послѣдній часъ, который долженъ былъ рѣшить вѣковой споръ Казани съ Москвой! Понятно, что положеніе дѣлъ требовало немедленной и самой напряженной дѣятельности со стороны бунтовщиковъ. И дѣйствительно, они не сидѣли, сложа руки: отправивъ немедленно къ Ногаимъ просить себѣ царя, сами они открыли военныя дѣйствія противъ горной стороны, съ цѣлью и ее поднять, и ее втянуть въ свое дѣло. Свіяжскіе воеводы, между тѣмъ, немедленно дали знать о всемъ случившемся въ Москву. Трудно представить себѣ то впечатлѣніе, какое произвело это извѣстіе на молодаго царя: отпустивъ немедленно на помощь къ воеводамъ шурина своего, Даніила Романовича Захарьина-Юрьева, онъ сталъ и самъ готовиться къ походу, рѣшившись во что бы то ни стало покончить съ Казанью.

При такихъ обстоятельствахъ началась знаменитая въ исторіи Іоаннова царствованія борьба съ однимъ изъ татарскихъ царствъ!

III.

Рѣшительный походъ Іоанна Грознаго подъ Казань.

(16 іюня—23 августа 1552 г.).

Въ апрѣлѣ 1552 г. царь собралъ совѣтъ для обсужденія вопроса о рѣшительномъ походѣ подъ Казань. Въ совѣтѣ возникло несогласіе: одни говорили, что самому царю нельзя идти, потому что у государства есть и кромѣ Казанцевъ непріятели, Крымцы и Ногаи. Но рѣшеніе Іоанна было непоколебимо: «Ни за что не могу терпѣть болѣе, сказалъ онъ, чтобъ гибли христіане, преданные мнѣ отъ Христа моего и за которыхъ я долженъ буду отдать отчетъ; относительно же другихъ нашихъ враговъ уповаю на Того же милосердаго Бога, Который творитъ все по Своей волѣ: если Онъ увидитъ непоколебимую нашу вѣру, отъ всѣхъ насъ избавитъ». Совѣтъ долженъ былъ согласиться наконецъ съ государемъ, и вотъ рѣшено было отпустить водою рать, «нарядъ» (артиллерію), запасы для царя и для всего войска, а самому государю, какъ приспѣетъ время, идти полемъ. Съ театра войны между прочимъ приходили все новыя, неутѣшительныя вѣсти: въ томъ же апрѣлѣ получена была грамота отъ свіяжскихъ воеводъ, въ которой они сообщали, что горные люди волнуются, многіе изъ нихъ ссылаются съ Казанцами, надо думать, что и во всѣхъ правды мало, непослушаніе великое; но

это еще не самое худшее: «по грѣхамъ нашимъ, писали они дальше, пришла немочь великая на государевы люди, цынга, многіе уже изъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ померли, много больныхъ и умирающихъ». Въ отвѣтъ на эти извѣстія царь велѣлъ немедленно отправиться въ Свіяжскъ князьямъ — Александру Горбатому и Петру Шуйскому. Посланные князья, достигнувъ благополучно Свіяжска, поспѣшили увѣдомить Іоанна грамотой, въ которой было еще менѣе утѣшительнаго: горная сторона вся измѣнила, сложилась съ Казанью и приходила къ Свіяжску на воеводскія стада, которыхъ много и угнано; посылали за ними казаковъ, но Казанцы казаковъ побили, убили 70 человѣкъ и «пищали» (ружья) отняли; «немочь» по грѣхамъ не ослабѣваетъ, мретъ много людей. Отъ князя Михаила Глинскаго изъ Камы ѣхали казаки на судахъ на Свіягу за кормомъ, напали на нихъ Казанцы, всѣхъ перебили, взятыхъ же въ плѣнъ 31 человѣка привели въ Казань и тамъ убили. Ногайцы, вслѣдствіе просьбы Казанцевъ, прислали имъ на царство сына Астраханскаго царя, царевича Едигера-Магмета. Понятно, что эти печальныя извѣстія доставили не мало скорбныхъ минутъ Іоанну, но «кроткій душою государь» не пришелъ въ уныніе и поспѣшилъ принять слѣдующія мѣры: прежде всего, по совѣту митрополита Макарія, перенесены были изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій мощи святыхъ отцовъ, освящена съ нихъ вода и послана въ Свіжскъ съ протопопомъ Тимоѳеемъ, «мужемъ изряднымъ и наученнымъ боговдохновенному писанію»; кромѣ того Макарій послалъ съ

нимъ поученіе къ воеводамъ и ко всѣмъ жителямъ Свіяжска, укоряя и остерегая ихъ отъ гнуснаго разврата, который, по дошедшимъ до Москвы слухамъ, сильно сталъ распространяться въ Свіяжскѣ, и совѣтуя: соблюдать заповѣди Божіи, посѣщать церковную службу, дома же остерегаться отъ «пустынныхъ бесѣдъ, срамныхъ словесъ, глумленія и всякаго смѣхотворенія». Этими нравственными средствами, которыми Іоаннъ началъ дѣло, имѣлось въ виду поднять духъ русской колоніи въ непріятельской странѣ. Между тѣмъ въ Москвѣ необходимыя приготовленія были кончены, и 16-го іюня положено было выступить въ походъ. День этотъ Іоаннъ началъ молитвой въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ слушалъ напутственный молебенъ и принялъ благословеніе отъ Московскаго іерарха; прямо изъ собора Государь пришелъ на половину своей супруги, Анастасіи Романовны, которая въ это время была беременна. Трогательна была сцена этого прощальнаго свиданія царственныхъ супруговъ, во время котораго Іоаннъ совѣтовалъ женѣ своей не скорбѣть объ ихъ разлукѣ, но молиться за него, раздавать милостыню убогимъ, разрѣшать находящихся подъ царской опалой, освобождать изъ темницъ. Но сердце юной государыни не могло такъ мужественно вынести мысль о разлукѣ съ любимымъ супругомъ; горе было такъ велико, что она лишилась чувствъ и, еслибы царь не успѣлъ поддержать ее, она бы упала на полъ. Долго не могла Анастасія выговорить ни слова отъ горькихъ слезъ, наконецъ пришла въ себя и, рыдая, проговорила благословеніе на своего супруга и на святое дѣло, для котораго онъ

шелъ. Черезъ нѣсколько минутъ Іоаннъ былъ уже на дорогѣ къ Коломнѣ. Пообѣдавъ въ селѣ Коломенскомъ, онъ отправился ночевать въ любимое село свое — Островъ. На дорогѣ получена была вѣсть, что идутъ многіе люди Крымскіе къ Украйнѣ и перешли уже Донецъ Сѣверскій, неизвѣстно только, кто съ ними—царь или царевичъ. Извѣстіе это ни мало не смутило Іоанна; онъ старался даже казаться веселѣе, чтобъ ободрить войско. 19 числа были въ Коломнѣ. Тутъ пришло новое извѣстіе о вторженіи Крымцевъ въ наши предѣлы, но извѣстіе опять глухое: гонцы могли только сообщить о направленіи непріятеля, шедшаго на Рязань и къ Коломнѣ, но кто предводительствуетъ ими— опять осталось неизвѣстнымъ. По этому извѣстію государь счелъ нужнымъ принять свои мѣры, въ случаѣ неожиданнаго появленія непріятеля, вслѣдствіе чего распорядился послать полки впередъ, приказавъ большому полку стать подъ Колычевымъ, передовому подъ Ростиславлемъ, лѣвой рукѣ *) подъ Голутвинымъ монастыремъ **); царя же Шигъ-Алея отпустилъ на судахъ въ Касимовъ ***), «понеже»—замѣчаетъ лѣтопись

---

*) Во время значительныхъ походовъ Русское войско обыкновенно дѣлилось тогда на пять частей; большой полкъ, правая рука и лѣвая, полки передовой и сторожевой; кромѣ того для разъѣздовъ отдѣлялся легкій конный отрядъ, извѣстный подъ именемъ «Яртаула».

**) Колычево—село Московской губ. Серпуховскаго уѣзда; Голутвинъ монастырь—въ 5 вер. отъ Коломны.

***) Касимовъ, одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Рязанской губ.

—«царь (Шигъ-Алей) веліе тѣло имяше и не могій скоро на конѣхъ ѣздити». Окончивъ всѣ эти необходимыя распоряженія, Іоаннъ, съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, и нѣсколькими боярами, «искусными на ратѣхъ», поѣхалъ лично осмотрѣть мѣстность, гдѣ всего выгоднѣе можно было дать сраженіе, причемъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, стараясь одушевить ихъ къ битвѣ. Съ радостными криками встрѣтило русское войско своего любимаго государя и на его привѣтствіе единодушно отвѣчало: «готовы, государь, пострадать до смерти за тебя и за вѣру христіанскую»! Не забыты были также и митрополитъ съ царицей: увѣдомляя ихъ о состояніи дѣлъ, Іоаннъ просилъ между прочимъ Макарія распорядиться о всеобщемъ въ Москвѣ молебствіи объ успѣхѣ дѣла. Между тѣмъ получаются все новыя вѣсти: 21 іюня пригналъ гонецъ съ Тулы, увѣдомляя, что отрядъ Крымцевъ, подъ предводительствомъ царевича, подступилъ къ Тулѣ. Государь тотчасъ же послалъ подъ Тулу нѣсколькихъ князей съ войскомъ, собираясь на утро и самъ двинуться туда же, какъ вдругъ, въ отдачу ночныхъ часовъ, пригоняетъ другой гонецъ и сказываетъ, что подъ Тулу приходило не много людей, всего тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Это извѣстіе заставило Іоанна остаться въ Коломнѣ, въ ожиданіи новыхъ гонцевъ; за ними дѣло не стало: въ четвергъ, 23 числа, царь сидѣлъ за столомъ, когда пришло извѣстіе, что самъ ханъ пришелъ и приступаетъ къ Тулѣ, съ нимъ много людей, большой нарядъ и Турецкіе

янычары *). На этотъ разъ медлить было нечего: не кончивъ даже стола, Іоаннъ идетъ въ церковь и велитъ скорѣе служить вечерню, такъ какъ, по замѣчанію лѣтописи, «обычай имяше царь благочестивый никогда же погрѣшити закономъ уставнаго правила». Воеводамъ между тѣмъ данъ приказъ строить полки и скорѣе перевозиться черезъ Оку. Отслуживъ вечерню, Іоаннъ спѣшилъ къ Каширѣ, гдѣ назначено было перевозиться войску; все уже было готово къ переправѣ, какъ прискакалъ новый гонецъ и на этотъ разъ съ довольно пріятной вѣстью; отъ него узнали, что 22 іюня, въ первомъ часу дня, ханъ Крымскій подступилъ къ Тулѣ со всѣми людьми и съ нарядомъ; приступъ продолжался цѣлый день: били по городу изъ пушекъ огненными ядрами и стрѣлами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ въ городѣ открылся пожаръ; въ это время ханъ послалъ янычаръ на приступъ, но воевода Темкинъ, хотя съ нимъ было и немного людей, бился такъ мужественно, что приступъ былъ отраженъ, такъ что «поганіи ничтоже успѣша»; на другой день ханъ готовился возобновить нападеніе, какъ вдругъ по городу разнеслась вѣсть, что не далеко царь Московскій; увидавъ съ городскихъ стѣнъ цѣлое облако пыли, поднимавшейся къ небу, Туляне единодушно воскликнули: «Боже милостивый, помоги намъ! Царь нашъ православный приближается!» — и съ этими словами бросились на непріятеля: въ этой вылазкѣ участвовали не

---

*) Такъ называлась часть Турецкаго войска съ XIV в. Янычары уничтожены въ 1826 г. султаномъ Махмудомъ,

только воеводы, воины и вообще все мужское населеніе города, но даже женщины и дѣти; много было побито Татаръ, въ томъ числѣ и ханскій шуринъ; отнято много пушекъ, ядеръ, стрѣлъ и пороху; разбитый ханъ побѣжалъ въ «поле» (степь). Прибывшій на другой день новый гонецъ докончилъ разсказъ: часа черезъ три послѣ бѣгства хана въ степь, пришли къ Тулѣ посланные Іоанномъ воеводы и погнались за Татарами; настигнувъ ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ *), разбили; много убитыхъ, много взято въ плѣнъ, много «отполонено» (освобождено изъ плѣна), много захвачено ханскихъ верблюдовъ и телѣгъ. Плѣнныхъ Татаръ допрашивали, и они на допросѣ показали, что ханъ вторгнулся въ Русскіе предѣлы вслѣдствіе распространившагося по Крыму слуха, будто царь Московскій со всѣми людьми подъ Казанью; только въ Рязани узнали отъ «станичниковъ» **), что великій государь въ Коломнѣ, ждетъ хана, готовясь дѣлать съ нимъ прямое дѣло за православіе; вслѣдствіе этого извѣстія ханъ хотѣлъ поворотить назадъ, но князья ему сказали: «если хочешь покрыть свой срамъ, то есть у великаго князя городъ въ степи, Тула, отъ Коломны за великими крѣпостями и за лѣсами»; царь послушалъ ихъ злаго совѣта и по-

*) Тульской губ. Богородскаго уѣзда, впадаетъ въ Упу.

**) Станичники—это были сторожевые отряды или станицы, которые разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами, чтобъ «Государю про проходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили».

шелъ на Тулу. Получивъ эти извѣстія, Іоаннъ возвратился въ Коломну, съ восторгомъ встрѣченный духовенствомъ и всѣмъ народомъ. Немедленно были разосланы въ Москву и Свіяжскъ грамоты съ извѣстіемъ о нападеніи и бѣгствѣ хана. Между тѣмъ 1 іюля пришли въ Коломну съ Тульскаго дѣла воеводы и донесли государю, что ханъ, по словамъ станичниковъ, слѣдившихъ за нимъ, «пошелъ невозвратнымъ путемъ», идетъ великимъ спѣхомъ верстъ 60—70 въ день и коней на дорогѣ бросаетъ много.

Итакъ опасность, заставившая Іоанна, сверхъ ожиданія, такъ долго пробыть въ Коломнѣ, отвлекая его отъ главной цѣли, была наконецъ отстранена; другихъ препятствій не было къ осуществленію завѣтной мысли Московскаго царя. И вотъ Иванъ Васильевичъ, немедленно по полученіи вышесказаннаго извѣстія на счетъ Крымскаго хана, собираетъ совѣтъ и начинаетъ обсуждать вопросъ: какъ идти къ Казани, на какія мѣста? Рѣшено было идти двумя дорогами: самому государю идти на Владиміръ и на Муромъ, воеводъ отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходиться на полѣ за Алатыремъ. *) Но въ это время въ самомъ войскѣ открылась рознь: боярскіе дѣти Новгородцы стали бить государю челомъ, что имъ невозможно идти въ такой далекій путь и на такое долгое время: съ весны были они на службѣ въ Коломнѣ; иные участвовали въ по-

*) Алатырь—большая и глубокая рѣка, выходитъ изъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ. и въ Симбирской у города Алатыря впадаетъ въ Суру съ лѣвой стороны.

ходѣ на хана и были въ сраженіяхъ, на этомъ основаніи новый походъ будетъ для нихъ не подъ силу. Государю была объ этомъ немалая скорбь, но онъ нашелъ средство потушить неудовольствіе, приказавъ составить списки служилыхъ людей и объявить: кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ Государь хочетъ жаловать и подъ Казанью будетъ обезпечивать всѣмъ необходимымъ, а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ; съ этимъ вмѣстѣ велѣно собрать свѣдѣнія о нуждахъ служилыхъ людей, чтобы знать о нихъ напередъ. Видя такое вниманіе, такую заботу о войскѣ, недовольные оставили свои жалобы и въ одинъ голосъ заявили, что они готовы идти съ государемъ: «онъ нашъ промышленникъ здѣсь и тамъ, промыслитъ нами, какъ ему, государю, Богъ извѣститъ.» 3-го іюля наконецъ Іоаннъ выступилъ въ походъ, взявъ съ собой брата Владиміра Андреевича, а на Рязань и Мещеру пошли большой полкъ, передовой и правая рука. Въ пятницу, 8 іюля, государь достигъ Владиміра, гдѣ, по обыкновенію, прежде всего посѣтилъ храмы и монастыри, прося у духовенства благословенія и молитвъ. Во Владимірѣ встрѣтилъ его возвращавшійся изъ Свіяжска протопопъ Тимоѳей съ радостнымъ извѣстіемъ, что Богъ подалъ милость свою—болѣзнь въ Свіяжскѣ прекратилась, заболѣвшіе выздоравливаютъ. 10-го іюля царь оставилъ Владиміръ, 13-го былъ въ Муромѣ, куда вызвалъ Шигъ-Алея и отпустилъ его на судахъ подъ Казань. Въ Муромѣ получена была другая, не менѣе радостная вѣсть, что воеводы, князь Микулинскій и бояринъ Даніилъ Романовичъ, ходили на горныхъ измѣн-

ников, воевали ихъ села и потоптали горныхъ людей, вслѣдствіе чего горные люди по Свіягу-рѣкѣ внизъ и по Волгѣ снова били челомъ въ покорности государю и пошли къ Свіяжску съ женами и дѣтьми. Отпустивъ впередъ себя князей Юрія Щемякина и Ѳедора Троекурова съ боярскими дѣтьми и посошными людьми, чтобъ они на рѣчкахъ и на «ржавцахъ» мосты мостили, Московскій царь 20-го іюля выступилъ изъ Мурома, шелъ частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу: всякихъ овощей въ изобиліи, изъ животныхъ лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто сами шли подъ выстрѣлъ, въ рѣкахъ множество рыбъ, въ лѣсу—птицъ; впрочемъ, когда наступилъ Успенскій постъ, въ тѣ дни, по замѣчанію того же лѣтописца, не видали никого: ни птицъ, ни лосей. Обитающіе въ этихъ странахъ Черемисы и Мордва, бывшіе до сихъ поръ во враждебныхъ къ русскимъ отношеніяхъ, приходили къ царю, отдаваясь на всю его волю и приносили все нужное для войска—хлѣбъ, медъ, мясо, что въ подарокъ, а что продавали, помогали также войску мосты дѣлать. На рѣкѣ Сурѣ, подъ Баранчеевымъ городищемъ (это былъ уже 14-й станъ Русскаго войска), встрѣтили государя посланные отъ Свіяжскихъ воеводъ и горныхъ людей, при чемъ сообщили, «что воеводы, князь Шуйскій и Данила Романычъ, ходили на достальныхъ горныхъ людей, и теперь уже всѣ горные люди добили челомъ и приложились къ Свіяжскому городу.» Государь пригласилъ горныхъ людей «ѣсти» (на обѣдъ), простилъ имъ прежнія ихъ вины и, отпуская домой, велѣлъ имъ по рѣкамъ мосты мостить

и расчищать по дорогѣ тѣсныя мѣста. За рѣкой Сурой царь соединился съ другимъ своимъ отрядомъ, шедшимъ черезъ Рязань и Мещеру, и продолжалъ путь въ теченіи 8 дней дикими полями и дубравами, а кое-гдѣ и лѣсами. Здѣсь было уже не то, что за Муромомъ, здѣсь нужно было самимъ ѣздить по окрестнымъ черемисскимъ деревнямъ добывать себѣ съѣстныхъ припасовъ и при томъ за дорогую цѣну, здѣсь уже и помину не было ни о лосяхъ, ни о рыбѣ, такъ что дурной черемисскій хлѣбъ «для войска паче драгоцѣнныхъ калачей обрѣтеся,» говоритъ очевидецъ. 13-го августа достигли наконецъ Свіяжска, куда пришли, по словамъ того же очевидца Курбскаго, какъ въ свой домъ, потому что въ Свіяжскъ было привезено Волгою почти что каждому изъ воеводъ множество всякихъ запасовъ, кромѣ того явилось безчисленное множество купцовъ съ различными живностями и товарами, такъ что въ Свіяжскѣ можно было найти все, что только душа хочетъ. Не теряя даромъ времени, но посѣтивъ по обыкновенію городскія святыни, Іоаннъ въ шатрѣ своемъ, на лугу подъ городомъ, держалъ совѣтъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, Шигъ-Алеемъ, боярами и воеводами—совѣтъ о томъ, какъ ему, Государю, своимъ дѣломъ промышлять? Рѣшено: идти подъ Казань не мѣшкая, а къ Казанцамъ послать грамоты съ тѣмъ, что если они захотятъ безъ крови бить челомъ, то государь ихъ пожалуетъ. Самъ Іоаннъ написалъ грамоту къ Кулъ-Шерифмоллѣ, т. е. главному муллѣ, (духовное лице у магометанъ) и ко всей землѣ Казанской, «чтобъ не стояли за тѣхъ, кто началъ ли-

хое дѣло и землю возмутилъ и били ему, государю, челомъ.» Съ своей стороны, Шигъ-Алей послалъ грамоту царю Казанскому, Едигеру, который приводился ему родственникомъ, совѣтуя ему выѣхать изъ города къ государю, за что государь его пожалуетъ. 15-го августа были отправлены эти грамоты, а 16-го вышелъ приказъ войску—перевозиться прямо противъ Свіяжска, на Казанскіе луга, куда на третій день прибылъ и самъ Іоаннъ. Шигъ-Алей посланъ былъ на судахъ къ Гостинному острову; воевода Михаилъ Морозовъ съ дьякомъ Выродковымъ везли туры и тарапы. *) Время стояло дождливое, воды въ рѣкахъ прибыли и потому потребовались на Казанкѣ новые мосты. Къ 20-му августа все было готово, и Іоаннъ переправился черезъ Казанку; тутъ его ждалъ плѣнникъ съ отвѣтной грамотой отъ Казанскаго царя, въ которой послѣдній поносилъ гордыми и скверными словами вѣру православную и царя благочестиваго, укорялъ и ругалъ также Шигъ-Алея и, въ заключеніе прибавлялъ, что онъ готовъ встрѣтить дорогихъ гостей.

Итакъ послѣднее средство къ мирному окончанію дѣла, какого хотѣлось Іоанну, было отвергнуто со стороны Казанцевъ и отвергнуто новымъ оскорбленіемъ. Слѣдовательно, оставалось, не тратя времени, начинать осаду. И вотъ отдано приказаніе—выгрузить орудія изъ судовъ и вообще, устроивать все, что нужно для начатія осады. Въ это время пріѣхалъ къ Государю пе-

---

*) Туры, тараны—это башни и короба, насыпавшіеся землею и служившіе при осадѣ городовъ защитою для осаждающихъ.

ребѣжчикъ Камай—Мурза съ семью казаками и разсказалъ, что ихъ поѣхало человѣкъ съ 200 служить къ государю, но Казанцы, узнавъ объ этомъ, всѣхъ, за исключеніемъ ихъ, перехватали; относительно же Казани отъ него получены свѣдѣнія, что въ городѣ царь Едигеръ съ вельможами «утвердилъ злымъ совѣтомъ: бить челомъ Государю не хотятъ и на лихо всю землю наводятъ; запасовъ въ городѣ много; на Арскомъ полѣ сдѣлана засѣка, куда собраны всѣ люди, которые не въ городѣ, съ тѣмъ, чтобы не пропускать на Арское поле русскаго войска.» Царь созвалъ поэтому поводу бояръ, разсказалъ имъ о пріѣздѣ Камая и о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ послѣднимъ и совѣтовался, какъ идти къ городу. На этомъ совѣтѣ было рѣшено, что самъ государь съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ станутъ на Царскомъ лугу, Шигъ-Алей—за Булакомъ, подъ кладбищемъ; на Арскомъ полѣ станутъ: большой полкъ, передовой и полкъ Владиміра Андреевича; правая рука съ казаками—за Казанкой; сторожевой полкъ —при устьѣ Булака, а лѣвая рука—выше его. Кромѣ того царь приказалъ дворовымъ воеводамъ, чтобъ во всей рати приготовили на 10 человѣкъ туру, а каждый человѣкъ по бревну на тынъ для того, чтобъ, обступая городъ, укрѣпиться турами и тыномъ. Въ заключеніе отданъ былъ приказъ съ «великимъ словомъ грознымъ, чтобъ никто изъ воеводъ, безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго, не осмѣлился травиться (бросаться) къ городу.» И вотъ на разсвѣтѣ 23-го августа войско выстроилось въ боевомъ порядкѣ; и какъ только самъ государь вышелъ на лугъ про-

тивъ города, то велѣлъ развернуть знамя съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, которое было у прародителя его, достохвальнаго князя Димитрія Донскаго, въ день знаменитой Куликовской битвы. Начался, по приказанію Іоанна, молебенъ, во время котораго онъ, по обыкновенію, усердно, со слезами, молился. По окончаніи молебна, онъ подозвалъ къ себѣ брата Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ и всѣхъ воиновъ, и сталъ говорить: «приспѣло время нашему подвигу, потщитесь, призвавши на помощь милосердаго Бога и ни въ чемъ не сомнѣваясь, единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за святую вѣру православную, за единодушную нашу братію, православныхъ христіанъ, плѣненныхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и тяжко страдающихъ отъ безбожныхъ этихъ Казанцевъ. Вспомнимъ Христово слово: ничтоже сего больши, еже души полагати за друга своя. Припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу и попросимъ у него избавленія бѣднымъ христіанамъ, и да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ, чтобъ не порадовались враги нашей погибели. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе: ибо это не смерть, но животъ, если не нынѣ умремъ, то во всякомъ случаѣ умремъ же, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Для этого я и самъ съ вами пришелъ! нахожу лучше здѣсь умереть, нежели жить и видѣть Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ тяжко мучимыхъ безбожными Казанцами. Если же намъ милосердый Богъ милость свою пошлетъ и, видя вашу непреложную вѣру, подастъ помощь, то я радъ жало-

вать васъ великимъ жалованьемъ со всею любовью; а кому приведется пострадать, то я радъ жаловать до вѣка ихъ женъ и дѣтей.» Въ отвѣтъ на эту рѣчь Владимiръ Андреевичъ сказалъ: «Видимъ, Государь, что ты твердъ въ истинномъ законѣ, за православiе себя не щадишь и насъ на то утверждаешь: поэтому мы всѣ должны единодушно померетъ въ борьбѣ съ безбожниками этими Агарянами. Дерзай, государь, на что ты пришелъ, да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй прiемлетъ, и толкущему отверзется!» Обѣ эти рѣчи произвели сильное впечатлѣнiе на войско, которое, по словамъ лѣтописца «все прослезилось на многъ часъ». Наконецъ, принявъ благословенiе отъ отца своего духовнаго, протопопа Андрея, и приказавъ войску осѣнить себя крестнымъ знаменiемъ, Iоаннъ сѣлъ на подведеннаго къ нему аргамака, *) взглянулъ на образъ Спасителя и съ словами: «О, Владыко, о Твоемъ имени движемся!» повелъ войско къ городу.

---

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что «аргамаками» назывались тогда турецкiя и польскiя лошади. Преимущественно же употреблялись въ то время для войска «кони»; такъ назывались лошади, приведенныя изъ Ногайской орды.

IV.

Осада.

(23 августа—2 октября 1552 г.).

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію знаменитой казанской осады, мы должны познакомить читателя съ мѣстоположеніемъ города. Казань была сильною крѣпостью, защищенной самою природою. Курбскій такъ описываетъ мѣстоположеніе, занимаемое ею: «городъ Казань, говоритъ онъ, въ великой крѣпости стоитъ: съ востока отъ него идетъ рѣка Казанка, съ запада Булакъ, чрезвычайно тинистая и непроходимая, которая, протекая подъ самый городъ, впадаетъ подъ угольной башней въ Казанку, а течетъ изъ озера Бабана, кончающагося приблизительно на полверсты отъ города. Лишь только переправишься черезъ эту рѣчку, тамъ между озеромъ и городомъ лежитъ съ Арскаго поля гора очень крутая и трудная для восхожденія; а отъ той рѣки около города ровъ копанъ, очень глубокій, даже до озера Поганаго *), которое лежитъ подлѣ самой р. Казанки, а отъ Казанки гора такъ высока, что трудно для глазъ взглянуть на нее: на этой-то горѣ стоитъ городъ и палаты царскія и мечети каменныя, очень высокія, числомъ, помнится, пять, гдѣ ихъ умершіе цари клались.» Итакъ, вотъ какова была Казань,

*) Въ настоящее время не существуетъ.

къ которой приближалось теперь русское войско. Прибавьте къ этому 30,000 отборныхъ удальцовъ, засѣвшихъ за ея деревянными стѣнами,—и будетъ совершенно напрасно распространяться о томъ, сколько труда и мужества требовалось, чтобы сломить такую твердыню.

Казань стояла какъ пустая, когда подступало 150-тысячное русское войско, съ тѣмъ чтобъ окружить ее со всѣхъ сторонъ: не только никого не было видно на ея стѣнахъ, но не слышно даже было голоса человѣческаго, такъ что многіе изъ нашихъ обрадовались, думая, что царь казанскій, при видѣ такого многочисленнаго непріятеля, бросилъ городъ и ушелъ со всѣми жителями въ лѣсъ. Но они глубоко ошиблись: передовой полкъ, подъ начальствомъ Юрія Пронскаго и Ѳеодора Львова, состоящій изъ 7,000 человѣкъ, сталъ переправляться по наведенному мосту черезъ тинистый Булакъ, чтобы, пройдя мимо крѣпости, занять назначенное ему мѣсто на Арскомъ полѣ, какъ вдругъ изъ города выскочило 5,000 конныхъ и 10,000 пѣшихъ Татаръ и ударило на нашихъ. Мгновенно завязался бой, который могъ бы кончится для нашего вдвое меньшаго отряда, полнымъ пораженіемъ, еслибъ во время не подоспѣли на помощь боярскіе дѣти: съ прибытіемъ свѣжихъ силъ, руские перемѣнили оборонительное положеніе на наступательное и въ свою очередь бросились на непріятеля, сбили его съ мѣста и гнали до самыхъ городскихъ воротъ, не обращая вниманія на усиленную стрѣльбу съ городскихъ стѣнъ и башенъ, которою Казанцы хотѣли остановить ихъ. Много было въ этой

стычкѣ посѣчено Татаръ, много поранено, нѣсколько десятковъ взято въ плѣнъ, тогда какъ русскіе поплатились только небольшимъ числомъ раненыхъ; всего же болѣе возбуждало въ этомъ дѣлѣ удивленіе строгое исполненіе царскаго приказанія: дѣти боярскіе явились на помощь, посланные своими воеводами, а изъ другихъ полковъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлился тронуться съ мѣста. За исключеніемъ этой схватки, дальнѣйшее движеніе полковъ къ своимъ мѣстамъ совершилось спокойно. Первымъ дѣломъ русскаго войска, по занятіи опредѣленныхъ мѣстъ, было—поставить три полотняныхъ церкви: во имя Архистратига Михаила, Екатерины, Христовой мученицы и чудотворца Сергія, послѣ чего занялись устройствомъ стана. На другой же день русскому войску пришлось выдержать сильное испытаніе: съ утра поднялась сильная буря, снесла поставленныя уже палатки, въ томъ числѣ царскую, на Волгѣ разбила много судовъ съ запасами. Войско пришло въ ужасъ, упало духомъ; одинъ только царь твердо выдержалъ ударъ, сохранивъ полнѣйшее присутствіе духа: немедленно онъ послалъ въ Москву и Свіяжскъ за съѣстными припасами и теплой одеждой, при чемъ объявилъ твердое намѣреніе, въ случаѣ нужды, зимовать подъ Казанью. Между тѣмъ начались осадныя работы; прежде всего стали ставить туры, чему сильно старались препятствовать осажденные и стрѣльбой съ городскихъ стѣнъ и нечаянными вылазками, при чемъ нерѣдко происходили жаркія стычки, такъ что сѣклись, схватывая другъ друга за руки. Въ схваткахъ этихъ, по замѣчанію лѣтописи, всегда падало больше басур-

манъ, нежели русскихъ, въ чемъ послѣдніе видѣли особенный знакъ милосердія Божія и получили новое подкрѣпленіе для своей храбрости. Наконецъ туры были готовы, снабжены пушками—и началась пальба по городу, отъ которой гибло тамъ много народу. Во все это время государь показывалъ собою примѣръ самой неутомимой дѣятельности: день и ночь ѣздилъ онъ кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія и ободряя воиновъ. Вылазки между прочимъ не прекращались: 26 августа (въ пятницу) Іоаннъ велѣлъ дѣлать большое укрѣпленіе противъ казанскихъ воротъ, для чего отправленъ былъ воевода Воротынскій съ турами, а князь Мстиславскій съ своимъ полкомъ долженъ былъ охранять его, въ случаѣ нападенія Казанцевъ. Послѣдніе не заставили долго себя ждать: лишь только русскіе стали приближаться къ городу, какъ выскочили Казанцы и завязался отчаянный бой; пущены даже были въ ходъ пушки: стрѣляли и наши по городу, и съ городскихъ стѣнъ сыпались на нашихъ ядра; сѣча была великая и ужасная; по словамъ лѣтописца, нельзя было слышать человѣческаго голоса за пушечной стрѣльбой, пищальнымъ громомъ, отъ крика и стона съ обѣихъ сторонъ, отъ треска оружія: «бысть яко громъ великій и блистанія отъ множества огня пушечнаго и пищальнаго стрѣлянія и дымнаго куренія.» Побѣда все-таки осталась за Русскими. Татары принуждены были отступить въ городъ. При этомъ стрѣльцы съ казаками стали по городскому рву, продолжая стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ, тогда какъ князь Воротынскій утверждалъ въ это время туры и насыпалъ

ихъ землею въ 50 саж. отъ города, между Арскимъ полемъ и Булакомъ; окончивъ работу, онъ велѣлъ стрѣлявшимъ отступить и закопаться во рвы противъ города. Понятно, какъ не нравилось Казанцамъ такое близкое сосѣдство Русскихъ; поэтому они въ продолженіе всей ночи дѣлали нападеніе на туры, съ цѣлью выбить оттуда засѣвшихъ стрѣлковъ, но всѣ старанія ихъ остались напрасными: каждый разъ наши ихъ отбивали и прогоняли въ городъ. Много было побито въ эту роковую ночь и съ той и съ другой стороны. Іоаннъ цѣлую ночь не спалъ, молился въ церкви, постоянно посылая бояръ подкрѣплять и ободрять сражающихся. Утромъ Русскіе слушали благодарственный молебенъ за дарованную побѣду. Наступившій день (27 августа) также не прошелъ безъ вылазки и безъ стычки. Татарамъ понадобился «языкъ», т. е. кто-нибудь изъ Русскихъ, отъ кого бы они могли узнать о положеніи дѣлъ въ нашемъ войскѣ, вслѣдствіе чего, увидавъ нѣсколько русскихъ воиновъ, разсыпавшихся по лугу, они бросились за ними; но и на этотъ разъ попытка была неудачна, вылазка была замѣчена близстоящимъ полкомъ и отражена, съ потерею для Татаръ ихъ предводителя Улана Карамыша съ нѣсколькими удальцами, оставшимися въ рукахъ побѣдителей. Отъ этихъ плѣнныхъ между прочимъ узнали, что царь Казанскій со всей землей своей затворился въ городѣ на смерть и ни за что не хочетъ государю бить челомъ.

Скоро вниманіе осаждающихъ было развлечено. День 28 августа открылся по обыкновенію пушечной пальбой по городу и съ городскихъ стѣнъ, какъ вдругъ

произошла въ русскомъ войскѣ тревога. Изъ лѣсу густыми толпами высыпали на Арское поле Татары и внезапно напали на передовой полкъ. Немедленно была отряжена помощь, самъ государь садился уже на лошадь, какъ дали знать, что татары прогнаны въ лѣсъ и разбѣжались. Отъ плѣнныхъ узнали, что это приходилъ Япанча, князь изъ Засѣки, о которой говорилъ Камай-Мурза, и что ему не велѣно давать Русскимъ покоя своими набѣгами. И дѣствительно, Япанча строго исполнялъ приказаніе: лишь только покажется на городской башнѣ знамя (это было заранѣе условленный знакъ), тотчасъ откуда не возмется Япанча съ своими удальцами, а изъ города выскакиваютъ Казанцы и бѣгутъ къ турамъ чтобъ ихъ уничтожить. Теперь русскому войску стало еще труднѣе, нужно было постоянно быть на сторожѣ, такъ что, по словамъ Курбскаго, войско совсѣмъ изнемогло отъ безпрестанныхъ вылазокъ изъ города, отъ наѣздовъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищѣ: съѣстные припасы, уничтоженные бурей, страшно вздорожали; войску и сухаго хлѣба некогда было наѣсться вдоволь; кромѣ того почти всѣ ночи оно должно было проводить безъ сна, охраняя какъ военные снаряды, такъ въ особенности жизнь и честь свою. Такое положеніе дѣлъ требовало немедленной помощи: на созванномъ по этому поводу совѣтѣ, было рѣшено раздѣлить войско на двѣ части: одна должна была оставаться при осадныхъ орудіяхъ, другая, подъ предводительствомъ князя Горбатаго, «мужа зело разумнаго и почтеннаго,» должна дожидаться, скрываясь за горой, выхода Татаръ изъ лѣсу и сразиться съ ними. Непрія-

тель не заставилъ долго себя дожидаться: утромъ 30 августа Татары высыпали на Арское поле и ударили на Русскихъ, которымъ велѣно было между тѣмъ нарочно отступать, чтобы заманить непріятеля ближе къ турамъ. Видя, что Русскіе безъ сраженія бѣдутъ отъ нихъ, Татары уже расчитывали «пожрать» непріятеля, какъ вдругъ изъ-за горы показывается 30-тысячный отрядъ Горбатаго. Объ отступленіи нечего было и думать: волей-неволей Татары должны были принять сраженіе, которое кончилось полнымъ пораженіемъ ихъ и обращеніемъ въ безпорядочное бѣгство. На разстояніи 15 верстъ наше войско гнало и било Татаръ, наконецъ, по звуку трубы, собралось на р. Килари, послѣ чего вступило въ лѣсъ, чтобъ очистить его отъ укрывавшихся тамъ Татаръ. Потеря съ непріятельской стороны была чувствительная; не говоря объ огромномъ количествѣ убитыхъ, однихъ плѣнныхъ приведено къ Іоанну 340 человѣкъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Іоаннъ еще разъ рѣшился испытать, не удастся ли склонить Казанцевъ къ миру. Съ этой цѣлью послалъ онъ одного изъ плѣнныхъ въ городъ, съ угрозой, что если Казанцы не захотятъ бить челомъ ему, то онъ всѣхъ, взятыхъ въ плѣнъ, велитъ перебить. Для того чтобъ угроза была дѣйствительнѣе, Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, велѣлъ всѣхъ плѣнныхъ Татаръ привязать передъ турами къ кольямъ, тогда какъ сановники государевы, подъѣхавъ къ городскимъ стѣнамъ, кричали Татарамъ, что государь обѣщаетъ жизнь и свободу и имъ и этимъ плѣннымъ, если сдадутъ городъ. Отвѣтомъ на такое предложеніе была цѣлая туча стрѣлъ, пущенныхъ съ

городскихъ стѣнъ не столько въ русскихъ, сколько въ привязанныхъ Татаръ, причемъ Казанцы кричали: «лучше видѣть васъ мертвыми отъ нашихъ рукъ, чѣмъ еслибы посѣкли васъ гяуры необрѣзанные.»

Какъ бы то ни было, но Казань была непоколебима въ своемъ рѣшеніи не сдаваться. Видя, что путемъ мирныхъ предложеній ничего не достигнешь, Іоаннъ рѣшился довести до конца начатую осаду и притомъ какъ можно скорѣе, потому что ко всѣмъ невзгодамъ, которыя приходилось выносить нашему войску, присоединилась еще новая; пошли сильные дожди, обращавшіе сухія мѣста въ болота. Нельзя не остановиться здѣсь на томъ, какое объясненіе этимъ дождямъ, столь обыкновеннымъ въ осеннее время года, давали тогдашніе русскіе люди. Курбскій, одинъ изъ начитаннѣйшихъ людей того времени, оставилъ намъ любопытное замѣчаніе по поводу этихъ дождей, приписывая ихъ чарамъ, которыя будто бы Татары наводили на Русскихъ. Онъ даже описываетъ, какъ это дѣлалось. При восходѣ солнца, по его словамъ, выходятъ на городскую стѣну старики и женщины и начинаютъ вопить сатанинскія слова, махая на русскія войска одеждами и кружась неблагочинно. При этомъ будто бы поднимается вдругъ вѣтеръ, являются облака, даже на совершенно ясномъ небѣ, и начинается дождь, и, что всего удивительнѣе, только надъ нашимъ войскомъ, а по сторонамъ дождя нѣтъ. По совѣту воеводъ, не менѣе Курбскаго, конечно, суевѣрныхъ и также вѣрившихъ въ колдовство и чародѣйство, Іоаннъ посылалъ даже въ Москву за крестомъ, въ которомъ была часть

животворящаго дерева. Мы назвали объясненіе Курбскаго любопытнымъ въ томъ отношеніи, что оно отчасти характеризуетъ всѣхъ. Итакъ, мы сказали, что Іоаннъ рѣшился какъ можно скорѣе привести къ окончанію осаду Казани. 31 августа, на другой день послѣ Арскаго дѣла, онъ призвалъ къ себѣ нѣмецкаго «размысла» (инженера), искуснаго въ разореніи городовъ, и приказалъ ему дѣлать подкопъ подъ Казань. Потомъ призвалъ перебѣжчика Камай-Мурзу и русскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ Казани, и спросилъ у нихъ, откуда въ городѣ берутъ воду, такъ какъ Казанка у нихъ отнята? Тѣ объяснили, что есть у Казанцевъ тайникъ, ключъ въ берегу р. Казанки, у Маралеевыхъ воротъ *) и ходятъ къ нему по подземелью. Вслѣдствіе этого царь немедленно отдалъ воеводамъ приказъ «во чтобы то ни стало испортить путь ихъ къ водѣ», но воеводы, послѣ неудавшейся попытки, донесли государю, что подъ тайникъ можно подкапаться изъ каменной Даировой башни, (въ которой съ самаго начала осады засѣли наши казаки,) такъ какъ путь къ водѣ не далеко отъ этой башни. Немедленно посланы были въ Даирову башню воевода Адашевъ съ размысломъ, съ тѣмъ, чтобы начать новый подкопъ, но размыслу велѣно было на то дѣло учениковъ оставить и только наблюдать за ихъ работами, а самому быть при большомъ подкопѣ, и, какъ скоро оба подкопа будутъ готовы, тотчасъ же дать знать объ этомъ государю. Такимъ образомъ начались работы: день и ночь рыли подъ тайникъ и

---

*) Теперь «Тайничные ворота».

черезъ 10 дней подъ мостъ, черезъ который Казанцы ходили за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами входилъ въ этотъ подкопъ, гдѣ своими ушами слышалъ разговоръ Татаръ, шедшихъ къ ключу. Увѣдомили царя, который далъ приказъ вкатить въ подкопъ 11 бочекъ «зелія» (пороху) *). Утромъ 4 сентября, въ то время какъ Іоаннъ объѣзжалъ городъ, внезапно раздался оглушительный громъ, и тайникъ былъ взорванъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Казанцами, шедшими въ это время за водою; взлетѣла на воздухъ и часть стѣны, при чемъ въ городѣ побито было много народу камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты. Въ то же время Русскіе, выжидавшіе этой минуты, кинулись на городскіе стѣны, ворвались въ самый городъ, гдѣ много побили Татаръ и захватили въ плѣнъ. На Казань это несчастіе не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: между Казанцами образовалась партія, выражавшая желаніе прекратить осадное положеніе города добровольной покорностью Московскому государю; но большинство не хотѣло объ этомъ и думать, а такъ какъ Казань осталась безъ воды, то стали искать новаго источника. Источникъ, дѣйствительно, былъ найденъ, но только вода въ немъ была смрадная и вредная, такъ что употреблявшіе ее стали заболѣвать опухолью и черезъ нѣсколько дней послѣ этого умирали **).

---

*) Надо замѣтить, что въ то время пороховыя бочки были сравнительно съ нынѣшними вдвое болѣе.

**) Вода въ Казани вообще дурнаго качества, такъ что, не смотря на кажущееся обиліе ея, для жителей города до сихъ

Между тѣмъ осаждающіе дѣятельно продолжали свои занятія. Въ то время какъ главное войско вело осадныя работы, довольно значительный отрядъ отправленъ былъ для очистки окрестностей отъ непріятеля. Дѣятельность свою отрядъ этотъ началъ съ того, что взялъ (6 сентября) острогъ, срубленный Казанцами, въ 15 верстахъ отъ города, на высокой горѣ и защищаемый многими засѣками и непроходимыми болотами. Не легко, конечно, было взять такую твердыню, отчаянно отстаиваемую засѣвшими тамъ Татарами, но русское войско, призвавъ Бога на помощь, ударило съ двухъ сторонъ на непріятеля и выбило его изъ засады: человѣкъ 200 при этомъ было захвачено въ плѣнъ, остальные перебиты. Вслѣдъ за тѣмъ воеводы пошли къ Арскому городищу и повоевали всю Арскую сторону *): много людей побили, женъ и дѣтей побрали въ плѣнъ, освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; повоевали они эту страну на 150 верстъ поперекъ, а въ длину—по самую Каму; села были выжжены, лишній

поръ единственнымъ резервуаромъ служитъ озеро Нижній-Кабанъ, но и въ немъ вода такъ дурна, что простымъ глазамъ можно видѣть плавающихъ насѣкомыхъ.

*) Арская сторона лежала на сѣверъ отъ Казани, на границѣ нынѣшней Вятской губ.; въ ней обитали «Ари» или «Арины», принадлежавшіе къ общему племени Вотяковъ, которые переселились сюда съ береговъ Енисея вмѣстѣ съ Монголами около половины XIII в. Главный городъ Арской стороны былъ «Арскъ», который существуетъ и до сихъ поръ въ 56 верст. отъ Казани; въ немъ теперь двѣ церкви и съ сотню домовъ; жители занимаются земледѣліемъ.

скотъ побитъ, да много еще скота пригнано въ лагерь, вслѣдствіе чего цѣна на провизію въ войскѣ значительно понизилась, такъ что корову напр. можно было купить за десять денегъ. Государь былъ чрезвычайно обрадованъ такими успѣхами: воеводъ своихъ, говоритъ лѣтопись, онъ любезно обнималъ, давалъ имъ цѣловать руку, хвалилъ храбрость ихъ и мужество и всѣхъ по чину наградилъ. Въ то же время славное войско сдѣлало новыя укрѣпленія и все ближе подвигалось къ городу. По приказанію Іоанна, дьякъ Выродковъ поставилъ противъ Царевыхъ воротъ башню величиною въ 6 саж.; внесли на нее много наряду, пищалей полуторныхъ и затинныхъ и начали стрѣлять съ нея по стѣнамъ и черезъ стѣны въ самый городъ, побивая въ немъ много людей. Видя, что и за стѣнами нѣтъ спасенія, Татары стали прятаться въ ямы, копали рвы подъ городскими воротами и подъ стѣнами, рыли норы подъ таранами, которые были у нихъ у всѣхъ воротъ за рвомъ и, выползая изъ норъ, какъ змѣи, бились съ осаждающими безпрестанно, день и ночь. Это не помѣшало однако князю Михаилу Воротынскому придвинуть туры къ самому рву, окружавшему городъ, такъ что теперь между русскими турами и городомъ находился одинъ только ровъ въ три сажени шириною и 7 глубиною. Понятно, что осажденнымъ приходилось плохо и что это должно было придавать имъ отчаянную храбрость. И дѣйствительно, съ ихъ стороны пущено было въ ходъ все, чтобъ отбить осаждающихъ: пушечная и пищальная пальба не умолкала ни на минуту, съ городской стѣны летѣли стрѣлы и камни. Бы-

ла минута, что счастье и имъ улыбнулось, только не надолго, такъ что не пришлось имъ ею воспользоваться. Русскіе едва не испортили всего дѣла своею оплошностію: однажды, бросивъ туры, они разошлись обѣдать. Татары быстро замѣтили это, повылѣзли изъ своихъ норъ и бросились на туры; незначительное количество воиновъ, оставшихся при турахъ, въ испугѣ разбѣжались; къ счастью подоспѣли въ это время воеводы съ нѣсколькими полками и послѣ жаркой схватки сбросили Татаръ въ ровъ, но и тамъ не было бы имъ спасенія, еслибъ они не уползли чрезъ свои норы въ городъ. Дѣло это было одно изъ самыхъ кровопролитныхъ и не дешево обошлось побѣдителямъ: не говоря уже о значительномъ числѣ убитыхъ воиновъ, многіе изъ воеводъ и дѣтей боярскихъ были сильно ранены; князь Михайло Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ въ лицо и спасся, благодаря только своему крѣпкому панцырю; воеводу Петра Морозова, полумертваго вынесли съ поля битвы; воевода Юрій Косминъ былъ раненъ въ грудь. На другомъ пунктѣ города въ это время также кипѣло дѣло между Русскими и Казанцами, сдѣлавшими вылазку изъ Збойловыхъ воротъ и напавшими на туры передоваго полка и яртаула, но исходъ этого дѣла былъ счастливѣе для Русскихъ; впрочемъ здѣсь выгода состояла въ томъ, что туры были не такъ близко къ городу, такъ что непріятель былъ во время замѣченъ; его нарочно подпустили ближе къ турамъ и, встрѣтивъ залпомъ изъ пищалей, окружили его со всѣхъ сторонъ и гнали до самаго городскаго рва.

Около пяти недѣль стояли уже Русскіе подъ стѣна-

ми Казани, а осадное положеніе не обѣщало еще скораго исхода. Стрѣльба по городу и даже въ самый городъ продолжалась по прежнему, но Казанцы, запрятавшіеся подъ таранами, не чувствовали отъ этой стрѣльбы большой потери. Видя, что непріятеля спасаютъ тараны, гдѣ не могли, конечно, доставать его наши пули, Іоаннъ велѣлъ сдѣлать новый подкопъ подъ тараны, съ тѣмъ, чтобы, пользуясь минутой ихъ взрыва, придвинуть туры къ самымъ городскимъ воротамъ; въ этомъ дѣлѣ, по приказанію государя, должны были участвовать только полки, бывшіе при турахъ, назначенныхъ къ передвижкѣ, изъ другихъ полковъ никому не велѣно трогаться. 30 сентября подкопъ былъ готовъ, вкатили въ него бочки съ порохомъ, и тараны взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ людьми, скрывавшимися за ними. Кромѣ того падавшія съ огромной высоты бревна побили въ городѣ много народа; все это навело на Казанцевъ такой страхъ, что они прекратили даже на время стрѣльбу съ городскихъ стѣнъ. Это дало возможность выполнить планъ Іоанна до конца: пользуясь взрывомъ и бездѣйствіемъ осажденныхъ, воеводы успѣли утвердить туры противъ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ воротъ. Только теперь опомнились Казанцы и, выскочивъ изъ всѣхъ воротъ, схватились съ осаждающими. Завязалась отчаянная, упорная сѣча. Въ эту минуту показался на конѣ самъ Іоаннъ: воины, увидавъ его, дружно, съ новой силой ударили на непріятеля. Битва закипѣла на всѣхъ пунктахъ съ величайшимъ ожесточеніемъ: схватывались съ невѣрными на городскихъ мостахъ, въ воротахъ, даже на городскихъ

стѣнахъ. Между тѣмъ пушечная пальба съ обѣихъ сторонъ не умолкала ни на минуту: густой дымъ стоялъ на мѣстѣ битвы, гдѣ въ рѣдкихъ промежуткахъ между выстрѣлами слышны были трескъ оружія, страшный крикъ и вопли ожесточенныхъ непріятелей. Но, не смотря на все ожесточеніе, на всю отчаянную отвагу Казанцевъ, Русскіе осилили, взобрались на городскія стѣны, заняли Арскую башню и бились уже на улицахъ. Не одному, можетъ быть, приходила въ эту минуту мысль, что ударилъ послѣдній часъ для Казани, что нѣтъ ей больше спасенія? По крайней мѣрѣ князь Михаилъ Воротынскій совѣтовалъ Іоанну воспользоваться счастливой минутой и распорядиться относительно общаго приступа; но государь не хотѣлъ рисковать такимъ серіознымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что остальные полки не были приготовлены, вслѣдствіе чего далъ приказаніе прекратить дѣло и вывести воиновъ изъ города. Не малаго труда стоило воеводамъ и эсауламъ исполнить это приказаніе: ожесточеніе русскаго войска дошло уже до такой степени, что его надо было силой, или, какъ говоритъ лѣтопись, «съ нуждой высылать изъ города». Рѣзня кончилась наконецъ—но въ какомъ видѣ осталась Казань? Стѣны, ворота и мосты, подожженные Русскими, пылали въ продолженіи всей ночи; въ Арской башнѣ утвердились также Русскіе, по городу пройдти было нельзя, всѣ улицы завалены были трупами, камнемъ и землей. Татары впрочемъ обнаружили при этомъ изумительную дѣятельность, рѣшившись во чтобы то ни стало не сдаваться: пробита стѣна—они мгновенно ставятъ срубъ противъ этого

мѣста и насыпаютъ его землею, очищаютъ улицы, дѣлаютъ новые тараны. Но вся ихъ дѣятельность поглощалась теперь обороной, защитой города, о нападеніи и вылазкахъ, объ отраженіи осаждающихъ не могло быть и рѣчи. Поэтому наши воеводы, занявшіе Арскую и другія башни, спокойно высидѣли тамъ двое сутокъ, въ ожиданіи окончательнаго приступа. Не долго пришлось имъ ждать этой рѣшительной минуты. 1 октября, т. е. на другой день послѣ только что описанныхъ нами происшествій, въ русскомъ войскѣ замѣтно было особенно живое движеніе: отъ государя полученъ былъ приказъ готовиться къ последнему, рѣшительному приступу. Войску отдано было прежде всего повелѣніе очиститься, т. е. исповѣдаться и пріобщиться. Затѣмъ начались военныя приготовленія: рвы наполнили лѣсомъ и землею, перекинули черезъ нихъ множество мостовъ; пушечная пальба не умолкала цѣлый день, такъ что городская стѣна пробита была до основанія. Но Іоаннъ, желая избѣжать лишняго кровопролитія, въ послѣдній разъ хотѣлъ испытать, не согласятся ли осажденные на мирную сдачу и съ этою цѣлью отправилъ къ городу Камай-Мурзу съ выборными отъ горныхъ людей: велѣно было сказать, что «государь гнѣвъ свой отдаетъ и не сдѣлаетъ Казанцамъ никакого лиха, если они согласятся бить ему челомъ и выдадутъ измѣнниковъ». Но и это посольство, также какъ и прежнія, не имѣло успѣха: «не бьемъ челомъ!» отвѣчали въ одинъ голосъ Казанцы: «на стѣнахъ Русь! на башняхъ Русь! такъ что-жъ? мы другую стѣну поставимъ, и всѣ помремъ или отсидимся!» Итакъ отвѣтъ былъ такого рода, что

исключалъ всякую возможность мирнаго исхода дѣла. «Премилостивый Боже!» сказалъ тогда Іоаннъ: «Ты видишь мое сердце, что я посылалъ къ нимъ съ предложеніемъ мира, но они отвергли его и предпочли кровопролитіе, а потому да будетъ эта кровь на нихъ и на ихъ дѣтяхъ!» И вслѣдъ затѣмъ повторенъ былъ приказъ готовиться къ дѣлу, назначено, гдѣ какому воеводѣ занять мѣсто, и обдуманъ планъ приступа.

V.

Приступъ и взятіе Казани.

(2 октября 1552 г.)

Наступила ночь. Іоаннъ призвалъ къ себѣ своего духовнаго отца и долго оставался съ нимъ наединѣ, потомъ сталъ вооружаться, такъ какъ получено было извѣстіе отъ князя Воротынскаго, что размыслъ уже и «зеліе» поставилъ въ подкопъ, но въ городѣ его замѣтили и потому медлить далѣе нельзя. Онъ надѣвалъ уже доспѣхъ, какъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться: «звонъ! я слышу звонъ,—сказалъ онъ—и звонъ какъ бы Симонова монастыря!» *). Мы не бе-

---

*) Пользуемся случаемъ, чтобы замѣтить, что это не единственное чудесное явленіе, случившееся во время Казанской осады: лѣтопись занесла на свои страницы нѣсколько видѣній и предсказаній, которыя пророчили скорую гибель Казани.

ремся объяснить это явленіе, только оно было принято Іоанномъ за хорошее предзнаменованіе; онъ, по выраженію лѣтописи, «внялъ въ сердцѣ своемъ, что будетъ на немъ благодать Божія», кончилъ вооруженіе и, пославши по полкамъ сказать, чтобъ немедленно готовились къ дѣлу, самъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ велѣлъ наскоро совершать правило. Между тѣмъ начинало разсвѣтать: отпустивъ воеводъ, чтобъ они стали каждый на назначенномъ мѣстѣ у города и дожидались его прибытія, царь велѣлъ начать обѣдню. «Страшно и достойно умиленія,—говоритъ лѣтописецъ,—было видѣть въ это время царя съ окружающими въ церкви въ полномъ вооруженіи, тщащихся къ смертному часу за благочестіе». Самъ Іоаннъ молился со слезами. Лѣтопись сберегла для насъ молитву царя, которую онъ произносилъ вслухъ въ эту тяжкую для него минуту: «Владыко Христе, — говорилъ онъ, — помилуй рабовъ Твоихъ! Се пришло время Твоей милости; се время, подай крѣпость на сопротивныхъ рабомъ Твоимъ, освободи сирыхъ и плѣнныхъ! Пошли Свою древнюю милость свыше, да разумѣютъ поганые, что Ты — Богъ нашъ, что, на Тебя уповая, побѣждаемъ! И Ты, о Пречистая Владычица и Богородица, будь помощницей мнѣ и моему воинству! Надѣясь на Тебя, да не посрамимся въ брани Твоими молитвами!» Между тѣмъ совсѣмъ уже разсвѣло, взошло солнце, дьяконъ кончилъ евангеліе и только что произнесъ послѣднюю строку въ евангеліи: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*, какъ грянулъ сильный громъ, такъ что земля задрожала: царь выступилъ немного изъ церковныхъ дверей;

страшное зрѣлище представилось глазамъ его: городская стѣна взорвана, бревна и люди летятъ на высоту. Но это не могло отвлечь его отъ молитвы, онъ сталъ опять на свое мѣсто и усерднѣе прежняго продолжалъ молиться. Прошло нѣсколько минутъ, дьяконъ читалъ эктенію о царѣ и при словахъ: *и покорите подъ нозѣ его всякаго врага и супостата*, раздался второй взрывъ сильнѣе прежняго; множество Казанцевъ виднѣлось на высотѣ, кто перерванный пополамъ, кто съ оторванными руками и ногами. Войско поспѣшило воспользоваться этой минутой и съ крикомъ: «съ нами Богъ!» устремилось къ городу: Татары, съ своей стороны, призывая на помощь своего пророка, Магомета, и крича: «всѣ помремъ за юртъ!» мужественно встрѣтили осаждающихъ Завязался бой въ воротахъ, на городскихъ стѣнахъ. Въ эту минуту явился къ Іоанну одинъ изъ приближенныхъ: «государь, тебѣ время ѣхать: полки ждутъ тебя;» но онъ отвѣчалъ: «мы должны до конца пѣнія дождаться, да совершенную милость отъ Христа получимъ.» Вслѣдъ за этимъ пришелъ другой вѣстникъ: «Необходимо ѣхать царю, да укрѣпятся воины, увидѣвъ его.» Іоаннъ глубоко вздохнулъ и со слезами сталъ молиться: «Не остави мене, Господи, Боже мой, не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!» Обѣдня уже оканчивалась; Іоаннъ сталъ прикладываться къ образамъ, выпилъ святой воды, вкусилъ просвиры, принялъ благословеніе отъ духовника своего, протопопа Андрея, и, поручивъ себя молитвамъ духовенства, поспѣшно вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и поскакалъ къ городу.

Быстро разнеслась вѣсть между осаждающими, что

царь спѣшитъ на мѣсто сраженія; да вотъ онъ, наконецъ, и самъ во главѣ своего полка! Это придало новыя силы, новое одушевленіе Русскому войску, такъ что оно, по словамъ лѣтописи, какъ будто на крыльяхъ взлетѣло на городскія стѣны, на которыхъ впрочемъ уже до прибытія Іоанна развивались наши знамена, со стѣнъ соскочило въ городъ, и жестокая сѣча закипѣла на городскихъ улицахъ. Въ эту минуту князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, чтобъ онъ двинулъ свой полкъ на помощь сражающимся въ городѣ; Іоаннъ немедленно распорядился посылкой помощи, приказавъ спѣшиться своему полку, потому что казанскія улицы, и безъ того узкія, были запружены народомъ: на лошадяхъ не было никакой возможности проѣхать. Съ прибытіемъ вспомогательнаго отряда, Русскіе снова ударили на Казанцевъ, битва приняла еще болѣе ужасный и ожесточенный характеръ. Татары шага не уступали даромъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не было перевѣса ни на той ни на другой сторонѣ. Наконецъ Русскимъ удалось взобраться на крыши домовъ и оттуда разить Татаръ; тогда бой принялъ благопріятный оборотъ для Русскихъ. Но въ эту минуту, отъ которой, можно сказать, зависѣла судьба всего дѣла, Іоаннъ получилъ извѣстіе, что многіе изъ его воиновъ оставили битву и бросились грабить городскія сокровища,—вслѣдствіе чего воеводы просили новой помощи. Помощь была отправлена, и на этотъ разъ полнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ усилія Русскихъ воиновъ: они успѣли пробраться до самой мечети, въ которой затворилось значительное количество Татаръ съ своимъ Куль-Ше-

рифмолиной. Татары отчаянно отстаивали свою святыню, но когда палъ въ жаркой схваткѣ ихъ главный мулла, оставшіеся въ живыхъ кинулись на царевъ дворъ *), гдѣ затворился казанскій царь Едигеръ. Русскіе бросились за ними, побивая по дорогѣ всѣхъ, кто попадался подъ руку: не было пощады ни дѣтямъ, ни женщинамъ. Видя, что всѣ усилія ихъ ни къ чему не поведутъ, Казанцы хотѣли подѣйствовать на Русское войско хитростію; они отобрали всѣхъ своихъ женъ около 10,000 и поставили ихъ впереди, разсчитывая привлечь этимъ вниманіе раздраженнаго непріятеля, а сами, скучившись въ другомъ углу царскаго двора, рѣшились пробиться съ своимъ царемъ за городъ въ лѣсъ. Разсчетъ оказался неудаченъ: лишь только они оставили царевъ дворъ, какъ очутились между двухъ огней: прямо передъ ними стоялъ отрядъ Курбскаго, хотя незначительный, человѣкъ въ 150, но тѣмъ не менѣе тѣснота улицы помогала ему выдерживать напоръ 10-ти тысячнаго врага до тѣхъ поръ, пока сзади не потѣснило его главное наше войско. Натискъ былъ такъ силенъ, что Курбскій на этотъ разъ, хотя и подкрѣпленъ двумя свѣжими полками, долженъ былъ отступить къ самымъ воротамъ, потому что Татары ломились, давя другъ друга; задніе ряды мяли передніе, такъ что, по словамъ Курбскаго, образовалась цѣлая груда татарскихъ труповъ, по которымъ остальные взобрались на на стѣну и на башню: здѣсь они остановились и на-

*) Дворъ царскій, кажется, находился на той горѣ, гдѣ и теперь стоитъ Кремль и улица Воскресенская.

чали кричать, прося минуту на переговоры; пальба на время утихла, и Русскіе услыхали: «пока стоялъ юртъ нашъ и мѣсто главное, гдѣ былъ главный царскій престолъ, до тѣхъ поръ мы боролись до смерти за царя и отечество; теперь же отдаемъ вамъ царя своего живаго и здороваго; ведите его къ своему царю! А мы выходимъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Съ этими словами Татары кинулись прямо со стѣны внизъ, оставивъ въ рукахъ Русскихъ царя Едигера съ тремя вельможами. Цѣль ихъ была пробиться къ Казанкѣ, прямо противъ стана Курбскаго, но залпъ изъ орудій заставилъ ихъ кинуться налѣво, берегомъ Казанки; выйдя изъ-подъ выстрѣловъ, они начали сбрасывать съ себя доспѣхи, разулись и, пользуясь мелководьемъ, побрели черезъ рѣку: было ихъ тысячъ около шести. Несмотря на то, князь Курбскій съ небольшимъ отрядомъ кинулся на встрѣчу, чтобъ загородить имъ дорогу; но что могъ онъ сдѣлать съ своими 200 человѣкъ? Когда Татары сомкнутыми рядами вышли на берегъ готовые къ бою, Курбскій врѣзался въ самую средину ихъ, думая тѣмъ привести ихъ въ замѣшательство и разстройство, но онъ первый же и долженъ былъ дорого поплатиться за свою отвагу: израненный онъ очнулся уже, когда все кончилось; надъ нимъ стояли стояли двое его вѣрныхъ слугъ, и плакали. Между тѣмъ Татары спѣшили черезъ широкій лугъ къ большому болоту, за которымъ начинался прямо густой лѣсъ; если бы они только успѣли подойти къ болоту, гдѣ конница русская не могла уже дѣйствовать, то они были бы спасены; но братъ Курбскаго, Романъ, видя

это, съ нѣсколькими воинами рѣшился задержать непріятеля и по примѣру брата, врѣзался ему въ самое чело; хотя онъ выказалъ при этомъ чудеса храбрости, тѣмъ не менѣе дѣло кончилось тѣмъ, что онъ израненный былъ сбитъ съ коня, а отрядъ его разбитъ. Однако благородная отвага двухъ братьевъ не осталась безъ пользы. Татары все-таки были задержаны на время и не успѣли достигнуть болота, какъ ихъ настигли, по приказанію Іоанна, трое воеводъ, князья: Микулинскій, Глинскій и Шереметевъ и нанесли имъ окончательное пораженіе, такъ что немногіе успѣли скрыться въ лѣсъ и то тяжело раненные.

И такъ Казань взята, взятъ этотъ безпокойный татарскій юртъ, положенъ конецъ этой страшной сосѣдкѣ! Дорого поплатилась она за все зло, которое, въ продолженіе цѣлаго вѣка, наносила нашему отечеству! Никому кромѣ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, раздраженные воины не давали пощады. И дѣйствительно, по улицамъ нельзя было сдѣлать шагу, чтобъ не наступить на мертваго татарина; въ иныхъ мѣстахъ они лежали цѣлыми грудами, рвы за городской стѣной были также переполнены трупами, и все обширное Арское поле усѣяно мужественными защитниками Казани.

Велика была радость войска и, особенно, молодаго царя, когда они увидали, что страшныя 6-ти недѣльныя усилія ихъ увѣнчались наконецъ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Сейчасъ же отправленъ былъ гонецъ за протопопомъ Андреемъ, чтобъ онъ со всемъ духовенствомъ шелъ скорѣе къ городу. Здѣсь, подъ своимъ знаменемъ, Іоаннъ велѣлъ пѣть благодарственный

молебенъ, своими руками вмѣстѣ съ духовенствомъ водрузилъ крестъ, и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло его знамя *) во время взятія города. Послѣ молебна начались поздравленія; подошелъ князь Владиміръ Андреевичъ съ боярами и воеводами и сказалъ: «Радуйся, царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! Ты по Бозѣ истинный намъ заступникъ отъ безбожныхъ Агарянъ: тобою теперь бѣдные христіане освобождаются на вѣки, и нечестивое мѣсто благодатно освящается. И впередъ просимъ у Бога, чтобы онъ умножилъ лѣта жизни твоей и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои и далъ бы тебѣ сыновей, наслѣдниковъ царству твоему, да и мы поживемъ въ тишинѣ и покоѣ». Іоаннъ на это отвѣчалъ: «Богъ это сдѣлалъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего войска страданіемъ и всенародною молитвою; буди воля Господня!» За тѣмъ пріѣхалъ и царь Шигъ-Алей съ поздравленіемъ: «Будь, государь, побѣдившій супостатовъ, здоровъ на своей вотчинѣ, на Казани, во вѣки». Положеніе не совсѣмъ ловкое: приходилось принимать поздравленіе со взятіемъ татарскаго города и—отъ кого же?—отъ татарскаго царя. Но Іоаннъ нашелся и Шигъ-Алею сказалъ въ отвѣтъ: «царь господинъ!—отвѣчалъ онъ—тебѣ, брату нашему, извѣстно, сколько разъ я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покоя, извѣстна тебѣ и жестокость ихъ, какимъ

*) Знамя это въ настоящее время въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ.

злымъ ухищреніемъ во многія лѣта лгали; и Богъ милосердый показалъ теперь свой праведный судъ: намъ явилъ свое милосердіе, а на нихъ отомстилъ кровь христіанскую».

Между тѣмъ въ городѣ велѣно было очистить отъ мертвыхъ тѣлъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ Цареву-двору, по которой Іоаннъ и въѣхалъ въ городъ, въ сопровожденіи воеводъ, дворянъ, князя Владиміра Андреевича и Шигъ-Алея. На дорогѣ онъ былъ встрѣченъ толпою Русскихъ, освобожденныхъ изъ плѣна, которые, при видѣ царя, пали на землю и съ радостными слезами кричали: «Избавитель нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!» Государь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и продовольствовать пищей до тѣхъ поръ, пока выдетъ распоряженіе объ отсылкѣ ихъ по домамъ. Можно представить себѣ чувство, съ какимъ Іоаннъ въѣхалъ въ городъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ посылавшій на Русь смерть и опустошеніе и еще за нѣсколько часовъ до того бывшій неприступной твердыней! Побывавъ въ Царевомъ-дворѣ, гдѣ «до того нечестивые цари жили, а теперь возсіяло праведное солнце, само древо животворящее, животворящій крестъ и образъ Владыки нашего Христа, Пресвятыя его Богоматери и великихъ чудотворцевъ»,—Іоаннъ возвратился опять въ свой станъ, за городъ, отдавъ приказаніе воеводамъ тушить въ городѣ огонь, а всѣ сокровища казанскія, женъ и дѣтей, велѣлъ взять своему войску, за собою же оставилъ только царя Едигера, знамена царскія, да городскія пушки. Возвратившись въ станъ, государь

прежде всего пошелъ въ церковь Сергія чудотворца, принести благодарность святому; послѣ чего вышелъ къ войску, которое собралось около его палатки; съ сіяющимъ лицемъ сталъ онъ передъ своими вѣрными сподвижниками, обагренными кровью, и сказалъ радостнымъ громкимъ голосомъ: «Мужественные мои воины, бояре, воеводы и всѣ прочіе знаменитые страдальцы за насъ и за отечество! Никто въ нынѣшнія времена не показалъ такой храбрости, какъ вы, любезные мои! Вы—вторые Македоняне и наслѣдники храбрости своихъ прародителей, показавшихъ пресвѣтлую побѣду съ великимъ княземъ Димитріемъ надъ Мамаемъ! за это преславное мужество вы достойны не только отъ меня благодарности, но и отъ Божіей десницы воздаянія: испившіе смертную чашу будутъ причтены къ лику святыхъ мучениковъ, которыхъ и мы должны поминать вѣчно и, записавъ имена ихъ, отдать въ соборную церковь на вѣчное поминовеніе; пролившимъ же свою кровь, и вамъ всѣмъ, оставшимся въ живыхъ, даемъ обѣщаніе пожаловать по достоинству». Послѣ этого Іоаннъ вошелъ въ свою палатку, въ сопровожденіи бояръ и воеводъ, и сѣлъ за столъ, не забывъ впрочемъ распорядиться о немедленной посылкѣ своего шурина, Данилы Романовича Юрьева, съ радостной вѣстью къ царицѣ и митрополиту Макарію.

VI.

Возвращеніе Іоанна въ Москву.

Теперь, когда Казань была взята, естественно представлялся вопросъ: какъ поступить съ покореннымъ царствомъ? На собранномъ по этому поводу совѣтѣ не могли придти къ единогласному рѣшенію: тогда какъ большинство бояръ и воеводъ совѣтовали Іоанну остаться въ Казани до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы покончить совершенное покореніе всѣхъ народцевъ, бывшихъ подъ властью Казани; Іоанновы шурья и духовенство, напротивъ, настаивали на возвращеніи въ Москву. Іоаннъ былъ на сторонѣ послѣднихъ и рѣшился не медля сдѣлать необходимыя распоряженія, а затѣмъ идти домой. Посланы были жалованныя грамоты по всѣмъ улусамъ ясачнымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы шли къ государю, не боясь ничего, что государь ихъ пожалуетъ, пусть только платятъ ясаки ему, какъ платили прежде Казанскимъ царямъ. Грамоты имѣли желанный успѣхъ: Арскіе люди и луговая Черемиса прислали съ челобитьемъ, прося государя прислать къ нимъ какого нибудь сына боярскаго, который бы сказалъ имъ царское жалованное слово и собралъ ихъ, такъ какъ они со страху всѣ разбѣжались. Между тѣмъ въ городѣ дѣятельно шли работы по очисткѣ его отъ труповъ, такъ что 4 октября Іоаннъ вторично въѣхалъ въ совершенно очищенную уже Казань и, выбравъ мѣсто,

водрузилъ на немъ крестъ своими руками и заложилъ здѣсь храмъ во имя Благовѣщенія Богородицы. Сейчасъ же послѣ этого началась постройка, такъ что на третій день, 6-го октября, церковь была уже готова *), и государь лично присутствовалъ при ея освященіи. Оставалось сдѣлать теперь одно и послѣднее распоряженіе—назначить въ Казань намѣстника: выборъ палъ на воеводъ —князя Александра Борисовича Горбатаго да на Василья Семеновича Серебрянаго, съ которыми оставлено много дворянъ, боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ. Послѣ этого стали готовиться въ обратный путь.

Мы не въ состояніи, конечно, описать тѣхъ чувствъ, которыя волновали и царя и войско въ эти послѣдвія минуты. Всѣ желали одного: скорѣе возвратиться на родину, въ семью, съ которой многіе, можетъ быть, и не надѣялись увидѣться, потому понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали, когда объявятъ походъ. День этотъ наконецъ наступилъ: 11 октября, отслуживъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія, покорители Казани двинулись въ обратный путь: самъ царь поплылъ Волгою на судахъ, а другая часть войска, съ княземъ Воротынскимъ, пошла берегомъ на Васильсурскъ. Не станемъ говорить о томъ, какъ Іоаннъ останавливался для ночевокъ въ Свіяжскѣ, потомъ въ Васильсурскѣ. Но

*) Теперь на мѣстѣ этой деревянной церкви стоитъ каменный Благовѣщенскій Соборъ, основанный св. Гуріемъ въ 1552 году; въ немъ покоятся и мощи св. Гурія, открытыя при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ 1596 году.

вотъ царь прибылъ въ Нижній Новгородъ: все населеніе города высыпало на берегъ, чтобы встрѣтить и привѣтствовать знаменитаго побѣдителя; здѣсь же ждали царя прибывшіе изъ Москвы бояре—Булгаковъ, Морозовъ, Козьминъ, Соболевъ съ привѣтствіемъ отъ царицы, брата Іоаннова Юрія Васильевича и митрополита. Въ Нижнемъ царь сѣлъ на коня и поѣхалъ на Балахну ко Владиміру, куда бояринъ Траханіотъ принесъ радостное извѣстіе, что Богъ даровалъ ему перваго сына Димитрія. Радость была такъ велика на этотъ разъ, что впечатлительный по природѣ Іоаннъ заплакалъ. Теперь была новая причина спѣшить домой: и вотъ черезъ Суздаль и Юрьевъ, гдѣ онъ останавливался только для слушанія молебна, Іоаннъ пріѣхалъ къ Троицѣ и пошелъ прямо въ церковь, гдѣ его встрѣтили бывшій митрополитъ Іоасафъ, который жилъ здѣсь на покоѣ, игуменъ съ братіей и били ему челомъ о христіанскомъ избавленіи, на что Іоаннъ отвѣчалъ благодарностью за ихъ подвиги и молитвы, которыми онъ «вся благая отъ Бога получилъ». Ночь застала Іоанна въ любимомъ его селѣ Тайнинскомъ, гдѣ встрѣтили его братъ, князь Юрій, бояре и воеводы. На другой день открылся торжественный поѣздъ государя въ первопрестольную столицу: народу, собравшагося встрѣтить своего государя, было такъ много, что имъ покрыты были всѣ поля отъ Яузы до самаго города: и вотъ появился наконецъ самъ Іоаннъ *); оглушительнымъ крикомъ на-

---

*) Въ одной лѣтописи сказано, что государь прибылъ въ Москву въ четвергъ 29 октября, въ четвертомъ часу дня; но здѣсь

полнился воздухъ: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю враговъ и избавителю христіанъ!» У Срѣтенскаго монастыря Іоанна встрѣтилъ митрополитъ съ крестами и чудотворными иконами; приложившись къ святынѣ и принявъ благословеніе отъ Макарія и всего священнаго собора, царь обратился къ главѣ духовенства съ рѣчью: изложивъ сперва побужденія къ войнѣ, походъ, нападеніе Крымскаго хана, наконецъ покореніе Казани, Іоаннъ такъ заключилъ ее: «И теперь я тебѣ, отцу моему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ своимъ воинствомъ, за ваши труды и молитвы, такъ какъ вашими молитвами Богъ сдѣлалъ сіи великія чудеса, много челомъ бьемъ». При этомъ царь съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и всѣмъ войскомъ поклонились въ землю. Вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ продолжалъ: «и нынѣ вамъ челомъ бью, чтобъ вы потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобы вашими молитвами милосердый Богъ милость свою намъ послалъ и порученную намъ паству православныхъ христіанъ, которыхъ Христосъ искупилъ честною своею кровію отъ клятвы грѣховныя, сохранилъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, наставилъ бы насъ на путь спасенія, сохранилъ невредимыми отъ враговъ, и новопросвѣщенный градъ Казанскій, данный намъ по святой его волѣ, сохранилъ во имя свое святое, утвердилъ бы въ немъ истинный

ошибка или въ числѣ мѣсяца, или днѣ, потому что въ 1552 г. 29 октября приходилось не въ четвергъ, а въ субботу.

законъ христіанскій и невѣрныхъ бы обратилъ къ истинному христіанскому закону, да и тѣ вмѣстѣ съ нами славятъ великое имя святой Троицы Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь». Въ отвѣтъ на эту рѣчь сталъ говорить митрополитъ Макарій, начавъ свою рѣчь хвалой Бога, даровавшаго царю свѣтлыя побѣды на враговъ; за тѣмъ прославляя побѣдителя и сравнивая его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ святымъ и т. д., митрополитъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы же, твои богомольцы, что къ Богу возглаголемъ за его великія милости и дарованія тебѣ, царю благочестивому, вѣрному его рабу? Скажемъ только: «велій еси, Господи, и чудны дѣла твоя; нѣтъ словъ къ восхваленію чудесъ твоихъ! А тебѣ, царь, какъ возможемъ бить челомъ и какія тебѣ похвалы принесемъ? Ты съ Божіею помощію избавилъ насъ отъ нападеній варварскихъ, жилища ихъ до основанія разорилъ и бѣдную братію нашу освободилъ изъ плѣна! Скажемъ тебѣ вмѣстѣ съ избавленною братіею: «Радуйся, благочестивый царь, и веселися, приводя ихъ ко Христу! Здравствствуй, государь нашъ съ царицею Анастасіею, съ Богомъ дарованнымъ тебѣ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, съ братьями— Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, съ своими боярами и всѣмъ войскомъ, здравствуй въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ, этотъ годъ и въ слѣдующія лѣта въ родъ и родъ на много лѣтъ! А за твои труды, царь благочестивый, со священнымъ соборомъ и со всѣми право-

славными христіанами мы челомъ бьемъ». И митрополитъ въ свою очередь со всѣмъ соборомъ и народомъ пали на землю, проливая отъ радости сердечныя слезы. Перемѣнивъ воинскую одежду, возложивъ на грудь Животворящій крестъ, на голову вѣнецъ Мономаховъ, а на плечи—порфиру, Іоаннъ пошелъ за чудотворными крестами и иконами въ Успенскій соборъ, а оттуда въ царскія палаты.

Черезъ недѣлю по прибытіи государя въ Москву начались въ Москвѣ торжества по случаю покоренія Казани и раздача наградъ: въ продолженіе трехъ дней 8, 9 и 10 ноября, были столы у государя: для высшаго духовенства и бояръ съ воеводами во дворцѣ, а для всѣхъ — на Красной площади, при чемъ раздавались награды сподвижникамъ и дары духовенству; не забытъ былъ никто, начиная съ князя Владиміра Андреевича, котораго государь жаловалъ шубами, кубками, фряжскими и золотыми ковшами, и до послѣдняго воина *), такъ что по смѣтѣ казначеевъ въ эти три дня роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами и конями до 48,000 рублей,—сумма огромная по тогда-

*) Потомство также не забыло этого подвига: въ 1812 г. надъ могилою убитыхъ подъ Казанью воиновъ, въ $1^{1}/_{2}$ в. отъ города близъ Звлантова монастыря, воздвигнутъ былъ памятникъ. Онъ имѣетъ форму пирамиды въ 10 саж. вышиною. Внутри его небольшая церковь, а подъ нею склепы, гдѣ хранятся кости православныхъ воиновъ, за вѣру и отечество животъ свой положившихъ. Памятникъ сооруженъ на суммы, собранныя жителями Казани, и отчасти пожалованныя императоромъ Александромъ I-мъ.

шнему времени,—не говоря уже о вотчинахъ, помѣстьяхъ и кормленіяхъ. Въ благодарность же Богу, даровавшему побѣду надъ врагомъ, основанъ былъ въ непродолжительномъ времени (въ 1554 г.) въ Москвѣ, на Красной площади, соборъ Покрова Богородицы, въ настоящее время извѣстный болѣе подъ именемъ «Василія Блаженнаго».

VII.

Впечатлѣніе, произведенное на современниковъ покореніемъ Казани и значеніе этого событія.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ покореніемъ Казани. Событіе это произвело въ свое время сильное впечатлѣніе, отголоски котораго сохранились въ нашемъ народѣ до сихъ поръ. Мы легко поймемъ причину этого, если перенесемся въ XVI вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ народъ, который въ продолженіи слишкомъ трехъ вѣковъ долженъ былъ нести тяжкое чужеземное иго, долженъ былъ признавать надъ собою владычество народа грубаго, дикаго, кровожаднаго, позволявшаго себѣ жечь, грабить и всячески оскорблять его: таково въ общихъ чертахъ было положеніе русскаго общества подъ властью Татаръ, покорившихъ его въ половинѣ XIII вѣка и съ тѣхъ поръ огнемъ и мечемъ поддерживавшихъ свое владычество до самаго XVI вѣка. Народъ русскій привыкъ бояться Татарина,

какъ своего лютаго, безпощаднаго врага, привыкъ видѣть въ немъ силу, которой ничто не въ состояніи противиться. Но вотъ среди этого униженнаго, упавшаго духомъ народа является царь, который не клонитъ головы передъ страшнымъ непріятелемъ; напротивъ, съ вооруженною рукой идетъ въ его собственную землю, опустошаетъ ее, запираетъ самого непріятеля въ его главномъ, до толѣ неприступномъ городѣ, и, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій, уничтожаетъ его вмѣстѣ и съ притономъ. Понятно, что долженъ былъ почувствовать народъ, когда достигла до него эта радостная вѣсть! Въ исторіи нашего отечества мы можемъ указать только на одно событіе, которое, по произведенному впечатлѣнію, можетъ быть поставлено на ряду съ покореніемъ Казани, — это побѣда Донскаго надъ Мамаемъ (въ 1380 г.). «Мамаево побоище». Какъ тамъ такъ и здѣсь Русскіе торжествуютъ надъ ненавистными, страшными Татарами; но характеръ этого торжества совершенно различный: тогда какъ всѣ усилія Донскаго были направлены только на отраженіе страшнаго врага, на оборонительную борьбу съ нимъ, подвигъ Грознаго, состоявшій не въ отраженіи, а напротивъ въ нападеніи на врага и уничтоженіи его, гораздо сильнѣе говорилъ воображенію, большее производилъ впечатлѣніе. Наконецъ, самыя безпримѣрныя до толѣ трудности похода, разсказы возвратившагося войска о чудесахъ и явленіяхъ, бывшихъ во время осады, — все это должно было усиливать, увеличивать впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ. Народная память до сихъ поръ еще хранитъ отголосокъ этого впечатлѣнія

въ формѣ пѣсни, воспѣвающей взятіе Казани. Вотъ эт пѣсня, для того чтобы читатели могли видѣть, сколько осталось въ памяти народной историческаго отъ этого событія:

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить;
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про Грозна царя Ивана
Про Васильевича:
Какъ царь-государь
Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку
Подкопъ подкопалъ —
Сорокъ бочекъ закопалъ.
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Черным порохомъ;
А на бочки становили
Воску яраго свѣчи.
Злы Татарове по городу
Похаживаютъ,
Похваляются,
Да выхваляются,
Что не быть, дескать, Казанюшкѣ
Подъ бѣлымъ подъ царемъ.
А онъ, нашъ царь-государь,
Распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется;
А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
«А за первое, царь, слово

Мнѣ нѣтъ казни,
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши-то свѣчи,
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи,
Онѣ шибче горятъ.
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и вырвало стѣну
Бѣлокаменную;
Поломало всѣ башни
Узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному же пушкарю
Сто пятьдесятъ рублей *).

Что касается до значенія, какое имѣло покореніе Казани, въ важности сего не трудно убѣдиться. Мы видѣли, что Казань изъ всѣхъ татарскихъ ордъ была ближайшей сосѣдкой Москвы, тогда какъ отъ Крымской орды, напримѣръ, отдѣляла послѣднюю широкая степь; ничего подобнаго не было здѣсь, такъ что границы казанскаго царства соприкасались съ Русскими границами. И мы видѣли, чего стоило намъ это сосѣдство, сколько крови было пролито, сколько усилій даромъ

*) Пѣсня эта записана со словъ народа г-жей Кобяковой. См. «Христом.» Филонова, т. I, въ отдѣлѣ «Былинъ».

потрачено! Отсюда понятно, слѣдовательно, что уничтоженіе этого разбойничьяго притона, въ теченіи 100 слишкомъ лѣтъ не дававшаго покоя нашему отечеству, должно было быть чрезвычайно важнымъ событіемъ, обезпечивавшимъ съ этой стороны спокойствіе и безопасность государства. Но взятіе Казани имѣло и другое значеніе. едва ли не болѣе важное. Казанское царство, какъ мы видѣли, было основано Татарами на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи внизъ по Волгѣ. Такимъ образомъ Казань стала на самой дорогѣ этому стремленію. препятствовала ему, загораживала дорогу. И дѣйствительно. стремленіе русскаго государства овладѣть всѣмъ теченіемъ Волги съ построеніемъ Казани было задержано и задержано надолго: послѣднимъ, крайнимъ пунктомъ. закрѣпившимъ русскія границы въ стремленіи по Волгѣ, былъ Нижній Новгородъ. Съ паденіемъ же Казани, и, потомъ Астрахани (паденіе которой было естественнымъ слѣдствіемъ покоренія Казани), вся Волга стала рѣкою Московскаго государства, вслѣдствіе чего русскіе поселенія получили возможность безпрепятственно распространяться и на юго-востокѣ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона. Не говоримъ уже о томъ, что покореніемъ Казани положено было начало дальнѣйшему развитію восточной торговли.

ВИДѢНІЯ И ПРЕДСКАЗАНІЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО ПАДЕНІЯ КАЗАНИ.

Въ своемъ мѣстѣ (стр. 69) мы имѣли случай замѣтить, что паденіе Казани сопровождалось видѣніями и предсказаніями, записанными въ лѣтописи. Приводимъ ихъ здѣсь для полноты разсказа.

1.

Видѣніе въ Нижнемъ Новгородѣ.

Это было во время похода. Войско русское приближалось къ Свіяжску, когда прибылъ къ царю протопопъ изъ Нижняго Новгорода со святою водой, и сообщилъ, что на дняхъ было у нихъ видѣніе въ городѣ. Пономарь церкви «Зачатія Св. Анны», вышедъ передъ заутренею изъ дома, увидалъ въ церкви свѣтъ; въ испугѣ, не зная, что подумать, поспѣшно вошелъ онъ въ церковь и видитъ сіяющаго сѣдинами мужа, который при входѣ пономаря обратился къ нему съ приказаніемъ немедленно звонить къ заутренѣ. «Не смѣю, говоритъ испуганный пономарь, потому что не получилъ еще приказанія отъ священника». — «Не бойся, отвѣчалъ старецъ, иди и звони скорѣе; мнѣ нѣкогда дожидаться здѣсь, потому что спѣшу къ Казани, на помощь царю и великому князю Ивану». Пономарь не возражалъ больше: пошелъ и сталъ звонить, но по возвращеніи въ церковь, никого уже въ ней не нашелъ.

2.

Видѣніе Апостоловъ и Святыхъ.

Это видѣніе, какъ и слѣдующія, было во время самой осады. Нѣкто Тихонъ, человѣкъ богобоязливый, бывшій слугою боярина Головина, лежалъ раненый въ своей палаткѣ и вдругъ, какъ-будто во снѣ, видитъ Св. Апостоловъ Петра и Павла съ чудотворцемъ Николаемъ и другими святыми, въ неизреченномъ свѣтѣ грядущихъ по воздуху, а на землѣ въ это время скачетъ татарское войско и молитъ святителя Николая, чтобъ помогъ ему одолѣть Русскихъ; но чудотворецъ обратился къ Апостоламъ и прочимъ святымъ и сказалъ: «Преблагій Богъ, который хочетъ всѣмъ человѣкомъ спастись и въ разумъ истины пріити, благоволилъ и здѣсь быть православнымъ: итакъ не медлите — благословите и освятите мѣсто сіе, какъ повелѣлъ вамъ Господь». Апостолы и святые благословили при этомъ городъ Казань и видѣніе исчезло.

3.

Видѣніе Св. Николая.

Одинъ изъ воиновъ, Нижегородецъ, отстоявъ свои часы на стражѣ, усталый вошелъ въ свою палатку и легъ отдохнуть послѣ долгаго труда и бодрствованія; не успѣлъ онъ закрыть глазъ, какъ слышитъ, что кто-то будитъ его. «Не мѣшай, говоритъ воинъ, я сильно усталъ и потому хочу отдохнуть», и, открывъ при этомъ

глаза, видитъ Святителя Николая чудотворца, который говоритъ ему: «Иди, скажи царю и великому князю Ивану, чтобъ онъ повелѣлъ осѣнить свое войско честнымъ крестомъ и окропить святой водою: се бо предаетъ Богъ градъ сей Казань въ руки его». Воинъ поспѣшно всталъ и доложилъ объ этомъ государю, который немедленно распорядился объ исполненіи приказанія св. Николая.

4.

Видѣніе Даніила Переяславскаго.

Одинъ священникъ, бывшій при войскѣ, ложась спать, обратился съ молитвою къ св. Даніилу, прося его о помощи благочестивому царю, который нѣкогда имѣлъ духовный совѣтъ къ преподобному. «Знаю, такъ молился священникъ, —что ты, преподобный, имѣешь дерзновеніе къ Богу: когда ты былъ еще въ этой жизни, то многимъ въ скорбяхъ помогалъ, и меня нѣкогда молитвами изъ самыхъ разбойническихъ рукъ исторгнулъ и отъ обнаженнаго оружія и горькой смерти внезапно избавилъ; такъ и нынѣ стань своими молитвами въ помощь христолюбивому царю, котораго ты самъ своими священными руками принялъ отъ купели при святомъ крещеніи его; какъ чадолюбивый отецъ, не оставь его и теперь, но ходатайствуй къ Богу молитвами своими, да смиритъ Богъ сопротивныхъ ему и да просвѣтитъ благочестіемъ мѣсто сіе, да разрушитъ всѣхъ воюющихъ противъ него, да посрамятся всѣ показывающіе къ намъ вражду и да сокрушится крѣпость ихъ». Такъ помолив-

шись, священникъ слегка уснулъ и вдругъ видитъ: св. Даніилъ сидитъ въ своемъ монастырѣ на какомъ-то возвышенномъ мѣстѣ окруженный свѣтолѣпными мужами, а онъ сидитъ прямо предъ подножіи Даніила въ мантіи и недоумѣваетъ, когда же возложена на него мантія, но спросить объ этомъ никого не смѣетъ. Видя его недоумѣніе, окружающіе св. Даніила спрашиваютъ его: «неужели и этотъ причтенъ къ братіи?» Даніилъ отвѣчаетъ. «нѣтъ еще, но послѣ, а теперь пусть будетъ отпущенъ». При этомъ священникъ вдругъ проснулся, трепеща отъ видѣнія, которое было такъ живо, что и на яву сталъ себя ощупывать руками, чтобъ удостовѣриться нѣтъ ли на немъ мантіи. Была еще глубокая ночь; открывъ окно, чтобъ освѣжиться, священникъ видитъ вдругъ надъ Казанью необыкновенный свѣтъ, какъ будто отъ сильнаго пожара, и потомъ явственно различаетъ блестящіе столбы на небѣ. Онъ поспѣшилъ при этомъ разбудить одного раненаго совѣтника царскаго и нѣсколькихъ другихъ, которые всѣ видѣли это необыкновенное явленіе и приняли его за счастливое предзнаменованіе.

Не однимъ Русскимъ были видѣнія въ это время: Татары, съ своей стороны, также имѣли много явленій и предсказаній, которыя пророчили имъ скорую гибель ихъ роднаго города.

1.

Видѣніе на Свіягѣ.

Предъ тѣмъ, какъ заложить Іоанну Свіяжскъ, окрестные Татары нѣсколько разъ видали на этомъ мѣстѣ ходящаго монаха; стали въ него стрѣлять, но предъ каждымъ выстрѣломъ видѣніе исчезало. Это навело на Татаръ такой страхъ, что они уже боялись приблизиться къ тому мѣсту.

2.

Юродивый Татаринъ.

Въ самой Казани ходилъ въ это время юродивый Татаринъ, который только и твердилъ: «не жить здѣсь Татарамъ, но Русскимъ». Это надоѣло Казанцамъ, они хотѣли его убить; но царь Едигеръ запретилъ убивать его, а приказалъ запереть его въ пустой домъ; юродивый какъ-то выломился изъ своей засады и продолжалъ проклинать Татаръ и пророчить имъ неминуемую гибель.

3.

Царевна Кавгадша.

Сохранилось еще преданіе о предсказаніи царевны Кавгадши относительно паденія Казани. Кавгадша была родная сестра Магметъ-Аминя, знала татарскую грамоту и посвящена была въ тайны волхвованія. Однажды,

гадая о судьбѣ роднаго города, она сказала посламъ Московскаго князя: «помяните мое слово, что черезъ 16 лѣтъ казанскіе Татары не въ состояніи будутъ противиться великому князю Ивану, который овладѣетъ не только казанскимъ царствомъ, но и многими другими странами».

4.

Старикъ въ ямѣ.

Другое видѣніе было Татарамъ, когда городъ находился въ осадѣ. Мы говорили, что, укрываясь отъ русскихъ пуль и стрѣлъ, Татары прятались въ выкопанныя съ этою цѣлью ямы. Однажды входятъ Казанцы въ одну изъ такихъ ямъ и къ величайшему своему удивленію видятъ, что въ ней печь, полная пшеничныхъ хлѣбовъ, въ одномъ углу стоитъ кровать вельможская, на ней лежитъ старикъ; въ ямѣ было распространено благоуханіе. Старикъ сталъ говорить имъ: «не сопротивляйтесь Московскому государю, но принесите ему покорность, онъ весьма милостивъ и не сдѣлаетъ вамъ вреда; если же не покоритесь ему, то не многіе изъ васъ избѣгнутъ погибели». Татары, думая, что это мечтаніе, наведенное нарочно Русскими, хотѣли убить старика; но въ эту минуту исчезло все: и постель, и старикъ, и хлѣбы въ печи; яма наполнилась смрадомъ.

5

Видѣнія монаховъ и священниковъ.

Нѣсколько разъ Казанцы видали на царскомъ дворѣ и въ царскихъ чертогахъ монаха, который то ходилъ, то сидѣлъ; нѣсколько разъ собирались они подстрѣлить его, но монахъ невредимый проходилъ среди нихъ, шелъ черезъ весь городъ и потомъ скрывался за городомъ.

Видѣли также нѣсколько разъ на городскихъ стѣнахъ двухъ бѣгающихъ монаховъ, но никто не могъ ни поймать, ни догнать ихъ, или видѣли, что православные священники ходятъ по стѣнамъ съ пѣніемъ и кадилами. Все это приводило въ удивленіе Татаръ и они говорили другъ другу: «видно по всему, что быть на этомъ мѣстѣ Руси и церквамъ христіанскимъ» *).

В. Величкинъ.

5 октября 1866.
Москва.

*) Источниками и пособіями при составленіи настоящаго разсказа служили: a) Царственная книга, b) Сказанія Курбскаго, c) Казанскій лѣтописецъ XVI вѣка, d) VIII т. Ист. Госуд. Рос. Карамзина, e) VI т. Исторіи Россіи профес. Соловьева, f) Казанская губернія, Лаптева, и g) Степенная книга.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

21. Жизнеописанія Московскихъ первосвятителей и чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Состав. А. Невскимъ. (Изд. 2-е дополненное). ц. 15 к.

22. Св. Зосима и Марія ц. 10 к.

23. Жизнь преп. Антонія Печерскаго. Сост. И. Бѣляевымъ. ц. 15 к.

24 Жизнь препод. Антонія Печерскаго. Сост. И. Бѣляевыхъ ц. 10 коп.

*25 Благов. Евдокія, Великая Княгиня Московская, въ инокиняхъ Евфросинія. Бѣляева. ц. 12 к.

26. О подражаніи Іисусу Христу. ц. 40 к.

27. Жизнь св. пророка Иліи. ц 6 к.

28. Попеченіе о бѣдныхъ. Чаннинга, ц. 15 к.

29. Жизнеописаніе Плутарха. Пер. В. Ворье. ц. 60 к.

30. Лѣто на красномъ хуторѣ ц. 20 к.

31. Дѣлатели золота. Народ. повѣсть. Цшокке. Изд. 2-е ц. 25 к.

32. Какъ нужно обращаться съ животными. Изд. 2-е, съ 2 гравюра. ц. 10 к.

34. Обезьяны. Брема. 3 в. по 15 к.

34. Летучія мыши, Брема ц. 15 к.

35. Чѣмъ питается растеніе ц. 15 к.

*36. Тряпье и писчая бумага. Съ рисунками въ текстѣ. Состав. Г. Ѳедченко. ц. 25 к.

*37 Разсказы про нѣкоторые промыслы въ Россіи. И. Горѣлова. ц. 11 к.

*38. Растеніе. Первые уроки Ботаники. И. Зарубина ц. 15 к.

39. О самовоспитаніи. Чаннинга. Изд. 2-е ц. 20 к.

*40. Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія, для учителей сельскихъ училищъ. Сост. Н. А. Соковнинъ. Изд. 2-е исправленное. ц. 1 р. 25 к.

41. Букварь для обученія чтенію и письму ц. 3 к.
Указаніе къ Букварю. ц. 2 к.

42. Пять картинъ, главнѣйшіе эпизоды изъ жизни св. Тихона Задонскаго, Алексія Человѣка Божія, Митрофана Воронежскаго Чудотворца Преп. Сергія Радонежскаго Чудотвор., Николая Чудотвор. Рис. худ. Маковскій. ц. каждой 15 к.

43. Азбука и уроки изъ Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта ц. 25 к.

44. Сборникъ стихотвореній ц 1 р.

45. Описаніе Западной Сибири. 3 т. ц. 1 р. 80 к.

46. Жизнеописаніе Руфи. ц. 8 к.

47. Жизнь св. Дмитрія Митрополита Ростовскаго. ц. 20 к.

48. Семейная хроника. Пер. съ англійскаго 2 т. ц. 1 р. 50 к.

49. Слѣпая дѣвочка или обращеніе къ Богу. Переводъ съ англійскаго ц. 75 к.

---

*) Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою указываютъ, сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

50. Агасверъ. Жуковскаго. ц. 20 к.

51. У всякаго свой конекъ. Пер. съ Нирица. ц. 25 к.

52. Сестра Розалія. Съ французскаго. 50 к.

53. Обращается ли солнце вокругъ земля, соч. Вейнберга. ц. 8 к.

54. Окраины россіи. Разсказъ изъ руской Исторіи в. I. Печетѣги ц. 15 к.

55. Краткое жизнеописаніе св. Тихона. ц. 25 к.

56. Путешествіе женщины вокругъ свѣта. Иды Пфейферъ ц. 60 коп.

57. Православная вѣра, книга для религіознаго нравственнаго чтенія. свящ. Свирѣлина ц. 8 к.

58. Звѣздочка. Евг. Туръ ц. 40 к.

*59 Николай Коперникъ, основатель новой астрономіи ц. 20 к.

*60. Царь Федоръ Іоанновичъ. Истор. разск. Хомякова ц. 5 к.

*61. Благовѣщеніе, повѣсть Толычевой. ц. 20 к.

62. Хрустальное сердце, пов. Евг. Туръ ц. 40 к.

63. Святыни и достопримѣчательности Московскаго кремля, соч. Е. Вельтмана. ц. 8 к.

64. Разсказы и очерки о двѣнадцатомъ годѣ, соч. Толычевой ц. 40 к.

65. Бунтъ Стеньки Разина, соч. Генкина ц. 15 к.

*66 Общество распространенія св. писанія и его книгоноши ц. 20 к.

67. Разсказы о русскихъ самоучкахъ, соч. Величкина ц. 15 к.

*68 Старина земли русской, соч. А. Гатцука ц. 15 к.

69. Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей соч. Желябужскаго ц. 30 к.

70. Пчела и Пчеловодство соч. Голубева ц. 25 к.

71. Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльны соч. Толычевой ц. 20 к.

*72 Знаменитые естествоиспытатели Линней и Бюффонъ, соч. Маракуева ц. 30 к.

73. Куры и родственныя имъ птицы. соч. Маракуева ц. 35 к.

74. Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми, соч. Князя Львова ц. 25 к.

75. Гребенщикъ, руководство къ выдѣлкѣ гребней, соч. Кишенскаго ц. 20 к.

76. Соломонія. Повѣсть Русской старины 1525 г. Е. Обуховой. ц. 40 к.

77. Холера 1830 г. ц. 35 к.

---

* Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою указываетъ сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщеніе.

